

Геннадий Ильин

18+

Любовь и небо

Книга первая

Геннадий Ильин

Любовь и небо. Книга 1

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ильин Г. Ф.

Любовь и небо. Книга 1 / Г. Ф. Ильин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-5321-2515-5

Первая книга трилогии "Любовь и небо". Судьба распорядилась служить во многих регионах и странах с разными людьми, делить с ними победы и поражения, усмирять бунты и восстания, голодать и спать под одной шинелью, до хрипоты отстаивать свою честь и достоинство, рисковать, быть на грани жизни и смерти, но всегда в критические моменты появлялось верное плечо незнакомого друга, спасающего от беды. Мне удивительно повезло служить с авиаторами, чистыми душой и открытыми сердцами. И это понятно – авиация других не терпит. Не все имена моих героев подлинны, кто ещё остался в живых, узнают себя по косвенным приметам.

ISBN 978-5-5321-2515-5

© Ильин Г. Ф., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Вместо предисловия	6
Любовь и небо. Книга 1.	7
Глава первая	8
Глава вторая	20
Глава третья	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вместо предисловия

Про себя: профессиональный журналист и военный лётчик первого класса, влюблённый в свою работу. Пожалуй, это единственные занятия, которые мне доставляли истинные удовольствия. Они, и ещё бесконечная любовь к женщине. Я твёрдо убеждён, что нет в природе совершенней создания, чем лучшая половина человечества. Впрочем, вы это знаете не хуже меня.

И если вдруг вам покажется, что я слишком фриволен в отношениях с ними и экспрессивен в лексике, простите на честном слове.

Жизнь за плечами. Я написал историю, в которой нет неправды. Не все имена моих героев по этическим и другим соображениям подлинны, но те, кто ещё остался в живых, узнают себя по косвенным приметам.

Про жизнь, про службу и любовь

Летать рожденным посвящается

Любовь и небо. Книга 1.

Глава первая

Жара была невыносимой. Раскалённый воздух жадно слизывал с полуголого тела обильный пот, но оно не просыхало.

Держась на почтительном расстоянии, мальчуган годков около четырёх настырно преследовал двух подружек, направляющихся к Волге. Реветь он уже устал, и теперь тихо скулил, ковыряясь в носу и придерживая левой рукой, сползающие, выдавшие виды, трусишки на помочах.

– Ну что ты прилип, как репей, – не выдержала одна из девчонок, – я кому сказала: марш домой! – и сделала угрожающий шаг ему навстречу.

Будь бы пацан постарше, он бы сумел ответить своей обидчице. Однако в своём лексиконе подходящих слов не находил. Только и подумал с досадой: «Вот стервы!». Выражению этому он выучился у своего дружка Витьки, который к месту и не к месту любил повторять его, подражая отцу. Красиво, коротко и веско.

Вы, конечно, сообразили, что тот, который гундосил, был я.

Не знаю почему, видимо Господу Богу только известно, что давным-давно я получил право на свободу слова и передвижения. Ну, что тут поделаешь, если человек родился!

– Хрен с вами, – шмыгнул я носом, выбил на песок густую зелёную соплю и зашлёпал босыми ногами к кинотеатру, где вот уже третий день показывали «Волшебное зерно», в главной роли которого играл Сергей Мартинсон. Но об этом я узнал гораздо позже.

На этот раз контролёрша проявила исключительную бдительность, когда я попытался прошмыгнуть в зрительный зал вместе с толпой. Она ловко выудила меня за ухо из длинной очереди и молча выдворила в вестибюль. Что ж, если не повезёт, то обязательно с обидой и болью...

Скорее обескураженный, чем огорчённый, я уныло поковылял к дому № 596 по улице Дзержинского. В этом роскошном кирпичном четырёхэтажном здании в коммуналке и находилась наша замечательная двухкомнатная квартира с подселением, которой премировали моего отца за ударную работу на тракторном заводе.

Раньше мы жили в бараке на Южном посёлке, и я до слёз завидовал друзьям, которые имели отдельные квартиры с тёплым толчком и водопроводом. Теперь всё это было и у нас, а соседи мне не мешали: с ними было веселее. Да и Кольку, моего младшего брата, на лето отправили к тетке в деревню.

Ключ от входной двери я привычно нашарил под ковриком, а через минуту уже выудил из кастрюли кусок чёрного хлеба и огурец. Зимой я никогда не наедался, но на дворе стоял июль, и Сталинград утопал от изобилия овощей и фруктов.

Живот округлялся, и начатый неудачно день стал казаться не таким уж и плохим. Даже можно сказать хорошим, если не замечательным. Чем не лафа – сидеть в прохладной комнате, лопать и рассматривать гитару с большим кумачовым бантом на грифе, висящую над кроватью сестры. Правда, под угрозой физического наказания прикасаться к ней запрещалось. Сущность его я усвоил давно и относился к нему с уважением.

Однако вскоре мне это надоело, и я переключил своё внимание на приоткрытую балконную дверь. Он мне нравился тем, что оттуда, с высоты, открывалась отличная перспектива и возможность наблюдать за суетой улицы.

Через мгновение я уже был за балконной дверью. И внимание сразу же привлекла роскошная радужная стрекоза. Она сидела на стене, рядом с перилами и нервно трепетала крыльшками. Честно говоря, я тогда не знал, что это насекомое называют стрекозой. На местном наречии оно называлось коромыслом. Соблазн поймать такую прелесть был выше инстинкта

самосохранения. Я тихонько приставил к перилам старенькую скамеечку и медленно, соблюдая осторожность, потянулся за ним.

Стрекоза, словно подразнивая, вспорхнула и снова уселась, но на вершок подальше. Но манёвр красавицы меня не остановил. Вытянувшись в струнку, я уже готов был схватить её за крыло, и... сорвался вниз.

Мне крупно повезло: приземление произошло на четыре точки, и я ободрал только колени и локти. Да и балкон находился на втором этаже.

В больницу меня отнёс отец, а через три часа я уже лежал дома в своей постели, и мать хлопотала около, стараясь угадать мои желания. Даже сестра, гадюка, – и та нежно трепала мои белесые кудряшки.

Здесь бы самое время сказать, что кто-то из окружающих высказал мысль, что раз, мол, малец сорвался со второго этажа – быть ему лёгчиком. Но такого никому и в голову не пришло, хотя на слуху у всей страны звучали имена Чкалова, Гризодубовой и Левандовского...

Что ещё запомнилось из раннего детства?

Воздушные бои в небе Сталинграда.

Уже второй год шла Великая, кровавая война, и фашистские самолёты беззастенчиво, как у себя дома, хозяйничали в воздушном пространстве Волжской столицы.

Однажды утром мне довелось быть свидетелем кратковременного боя наших ястребков с мессерами над Спартановкой. В памяти остались надсадные завывания моторов и приглушенные расстоянием пулемётные очереди, похожие на гороховую дробь в решете.

Из Сталинграда началась эвакуация заводов и предприятий оборонного значения, потянулись к Волге первые беженцы. По опустевшим сиротливым улицам маршировали военные и ополченцы. Люди напряглись и посуровели. С лиц исчезли улыбки, а в разговорах чаще всего звучали темы военные.

От постоянных налетов вражеской авиации в городе начались пожары. Бомбы уже попадали в соседние дома. Сбросившись, жители уговорили местного батюшку совершить крестный ход вокруг нашего дома. Действительно ли помогла молитва или всё произошло по воле случая, но только дом оставался целым до самого нашего отъезда. Правда, через подъезд от нас крышу и два этажа пробила вражеская бомба, но не взорвалась.

Отец днями и ночами пропадал на тракторном заводе, демонтируя оборудование и загружая им товарные вагоны и платформы. Иногда мы его видели, и слышали скудные новости о том, что есть мнение начальства отправить рабочих в тыл вместе с заводом и с семьями. Мама этому не верила. На вокзале тысячи людей отчаянно сражались за место в любом поезде, отъезжающим на северо-восток. И каких людей! Чего уж там рассчитывать на власти, озабоченных выполнением задач Государственной важности.

Мать оказалась права. В начале августа к вечеру домой прибежал отец и сообщил, что железнодорожный состав, к которому он прикомандирован, отправляется через два часа и что семьи остаются в городе.

– Приеду на место и сразу же сообщу адрес, – успокаивал, как мог, отец плачущую мать. – Детей береги: пропадут они без тебя. Ну, прощай, Бог даст – свидимся.

И ушёл, перецеловав всех нас – Машу, меня и братца меньшого Коленку.

И осталась тридцатичетырёхлетняя женщина с тремя детьми в осаждаемом фашистами городе. Без еды, без воды, без света, без надежды остаться в живых.

Жители покидали город. Бомбёжки участились, и по сигналу воздушной тревоги остатки людей поспешно прятались в подвалах. Считалось, что это самое безопасное место.

Как – то в разгар налёта бомбардировщиков, когда мы сидели и прислушивались, какой район обрабатывают с воздуха, в подвал заскочил настоящий фашист с автоматом. Кто он был, разведчик ли или солдат регулярных войск, никто не знал. Но все замерли от испуга, прижи-

маясь, друг к другу. Полоснёт сдуру из автомата по гуще женщин и детей, и – всё. Немец на секунду окинул взглядом насмерть перепуганную толпу, и молча выскочил наружу. Пронесло, слава тебе, Господи!

Надо было на что-то решаться. Война стремительно приближалась. Последние запасы продуктов истощились. Мать бегала на разбомблённый паточный завод, приносила в бидоне паток, доставала откуда – то крахмал и пекла лепёшки. Но и эти скудные съестные товары вскоре кончились, и как – то наутро, погрузив немудрёный домашний скарб на где-то раздобытую двухколёсную тележку, мы двинулись за город. Схватившись за край телеги, я, с небольшой котомкой за плечами, в которую мне положили чугунок, торопливо перебирая ногами, спешил за взрослыми, но не поспевал. Чугунок меня перетягивал, и часто ронял. Запряжённая в оглобли мать тянула телегу, как ломовая лошадь, а сестра подталкивала сзади.

Мы уже выбрались на центральную площадь, когда в небе появились немецкие бомбардировщики. Не знаю, по каким объектам они работали, но нам казалось, что смертоносный груз сыпется на наши головы. От страха мы забрались под телегу, как будто она как-то могла защитить.

Что делается наверху, мы не видели, но душераздирающий тоскливый волчий вой падающих бомб впивался в наши сердца, заставляя тела сжиматься от ужаса. От мощных взрывов земля содрогалась и стонала, и я видел, как в полукилометре от нас подпрыгивали и рушились стены и горели здания. Мать, обняв нас руками, словно наседка своих птенцов, непрерывно молилась.

Через несколько минут воздушный налёт закончился, котомку мою выбросили, посадили на телегу рядом с Колей, и мы немедленно двинулись к станции Гумрак, где по слухам ещё работала переправа за Волгу.

И снова мать, обливаясь потом, упорно тянула за собой и поклажу и меня с Коляшей. О чём она думала? Пожалуй, ни о чём. Подчинённая животному инстинкту, она старалась как можно быстрее увести своё потомство от реальной опасности. А может, всё-таки, думала?

Уроженка села Серино, она, по рассказам, была первой девкой во всей округе. Лёгкая на подъём, мастерица на все руки, мать с петухами принималась за немудрёное при их бедности хозяйство. Живая и общительная от природы, весёлая и находчивая, она была душой сельской молодёжи и украшением каждых посиделок. В своё время она закончила четырёхлетнюю церковно-приходскую школу – для крестьян образование, считай, что высшее – и в старости любила подчеркнуть, как за примерную учёбу её премировали отрезом на платье. Награда по тем временам, раздираемых гражданской войной, неслыханная, сродни Нобелевской премии.

Черноволосая – брови вразлёт, озорница и хохотунья с чертенятами в глазах, не одну горячую голову вскружила она, будучи девицей. И не только привлекательной внешностью, но и божественным голосом. Люди окрестных деревень за многие вёрсты приходили в село, чтобы послушать её чудесное пение в церковном хоре. Старожилы говаривали, что этот божественный дар передался ей от деда – цыгана по материнской линии, разудалого весельчака и конокрада, погибшего под колями разъярённых крестьян. Да и сам я унаследовал от прадеда курчавый волос и вспыльчивый, как порох, характер.

Много позже, уже став самостоятельным, наезжая погостить у родителей, я заслушивался застольными дуэтами отца и матери даже тогда, когда каждому из них перевалило за шестьдесят.

Пишу эти строки, а в ушах так и звучит непередаваемая мелодия знакомой мне старинной песни, с крестьянской хитрецей:

Здравствуй, хозяин хороший,
Здравствуй, хозяин пригожий.
Мы к тебе пришли не напиться,

Мы к тебе пришли повеселиться,

– начинала мать вкрадчивым голосом.

Нам с тобой покажется рай, рай –
Хоть по рюмочке дай,

– баритоном подхватывал отец, а потом уже дуэтом и с нарастанием, речитативом, продолжали:

А мы будем пить,
Пить, пить, пить.
Хозяин будет лить,
Лить, лить, лить.
Туда, сюда, где родина моя.
В ту самую сторонушку,
Где милая живёт...

У отца голос приятный, мягкий, с бархотцой, и очень гармонировал с материнским меццо-сопрано. Может, она и полюбила его за это, а возможно и за то, что лицом он был очень похож на Николая – угодника.

Первая встреча у них состоялась в славный праздник на Пасху. Как потом признались родители, она его вычислила, а он на неё глаз положил.

Вот с лета и зачастил мой будущий отец от деревни Костарёво, где проживал, до Серино и обратно. Туда – восемь километров и оттуда – столько же. А летом – то ночи короткие...

– Бывало, прибежишь со свиданья домой, – с наслаждением вспоминал отец годы спустя, – кинешься в саду под яблоню и мгновенно уснёшь, как убитый. Да не тут-то было. Отец с нами, сыновьями, не церемонился. Ни свет, ни заря поднимал на работу. Кого ногой, кого рукой, кого матом, вспоминая всех святых угодников. Хозяйство-то было большое, зажиточно жили. А чего и не быть достатку, коли кроме родителей семеро братьёв в семье да сестрица. Пара лошадей имелась, три коровы, свиньи, само собой, овцы там и прочая мелкая животная. Всех накорми, напои, выпаси, опять же навоз убери. Да ещё работы в поле. Это со стороны казалось, что живём припеваючи, и работаем, шутя, а на самом деле вкалывали – не дай Бог каждому....

– Что это за рыба, – ругался он, брезгливо отбрасывая в сторону кусок жареного залома, – вот в наше время пойдёшь на рыбалку на Ловлю, – по-местному наречию называл он Иловлю речку, – так руками вылущивали сомов и налимов из омутов и из-под коряг. Вот это была рыбалка! А сейчас что – баловство одно.

Он на минуту умолкал, взгляд устремлял куда-то в бездну, а потом, глубоко вздохнув, подводил черту:

– Да что там, золотое времечко было....

Венчались они в той самой церкви, где впервые познакомились. Свадебный обряд был соблюден по полной программе, и певчие на клиросе дружно и славно восхваляли прелести невесты и молодецкую удаль жениха – красавца, на которого имели виды, потерпевшие фиаско, многочисленные поклонницы.

В том же двадцать восьмом забрали отца в Красную Армию и отправили службу нести не куда-нибудь, а в сам город Ленинград в кавалерийскую часть, обслуживающую Правительство при Смольном.

Размахивать шашкой ему не пришлось, судьба распорядилась, чтобы он выполнял обязанности эскадронного повара. Так Господу было угодно. Да и он не шибко протестовал. По всей стране уже чувствовалось приближение страшнейшего голода.

По традиции невестка жила в доме мужа. Работы, конечно, хватало, хотя излишки у Чебатковых (так по-уличному называли семью отца) реквизировали.

День ото дня хозяйство хирело, и заболевший свёкор уже не мог держать сыновей в ежовых рукавицах. Трое из них покинули отчий дом, надеясь найти своё счастье на стороне, и их обязанности автоматически легли на плечи женщин.

Мать была беременна. Тяжкий труд и скудное к этому времени питание наложили свой отпечаток на её внешность. Она похудела и подурнела.

Пришла, однако, пора рожать, и появилась на свет крошечная девочка, разительно похожая на мать, и с упрямыми жёсткими отцовскими складочками по углам розового ротика. Этот ротик был чрезвычайно прожорлив, но еды не было. Небывалая засуха спалила посевы, и люди употребляли в пищу всё, что хоть как-то могло утолить голод. Крапива и лебеда считались лакомством, а отруби – богатством. Ходили слухи, что в отдельных районах Поволжья наблюдались случаи людоедства.

Чтобы выжить, нужно было бежать из этого проклятого места. И мать, прихватив узелок с пелёнками и двухмесячную дочь, села однажды в проходящий поезд и отправилась в Ленинград. Как она добралась до цели, и сама не помнит.

В огромном, безбрежном, как океан, мегаполисе, где сосед в упор не видит соседа, нашлась – таки добрая душа, приютила полуграмотную женщину, накормила и отогрела.

Наутро, оставив дочку на попечении хозяйки, отправилась мать на поиски воинской части, где служил мой будущий отец. И опять ей повезло: по дороге встретила военного, который и довёл её до самой проходной. Через полтора часа томительного ожидания они крепко обнялись, и у матери, женщины, в общем-то, сильной, брызнули слёзы облегчения.

А через несколько дней мать устроилась на почту писмоношцем. Появился заработок. Опять же и муж, хоть и не часто, как хотелось бы, но подкидывал продукты, остающиеся после кормёжки личного состава.

Так и прожила моя мать в городе до самой демобилизации отца. А когда это случилось, молодожёны возвратились в родные места, но в деревню не вернулись, и осели в Сталинграде. Отец устроился на СТЗ, как коротко называют горожане тракторный завод, а мать – на фабрику-кухню. Выделили им небольшую комнатуху в общежитии и зажили они дружно и ладно, в мире и согласии...

Мы расстались с читателем на выезде из города под тележкой и теперь после краткого отступления возвращаемся назад.

Воздушный налёт, продолжающийся пару минут, показался нам вечностью. Но вот самолёты улетели, и наступила оглушительная тишина. Радуюсь, что всё обошлось, мать поспешно запряглась, и мы иноходью продолжили своё бегство из родного города.

Уже смеркалось, когда перед нами возникла товарная станция отчего-то названная Гумраком. На фоне умирающего заката смутно вырисовывались останки разбитых вагонов, покорёженные рельсы и остовы разрушенных зданий. Единственный пригодный для ночёвки склад был плотно забит беженцами. Измученные, до смерти уставшие люди вповалку лежали на полу. Спёртый воздух как протухший кисель обволакивал тела, смердящие потом и вонью. Нечего было и мыслить, чтобы найти в кромешной темноте хоть малую толику свободного места под крышей. Ногу, и ту поставить было некуда. И мать уложила нас на телеге, прикрыв ватным одеялом. Утомлённые многочасовым переходом, мы мгновенно заснули, а сентябрьская луна с холодным любопытством взирала на копошащиеся существа, почему-то называющих себя людьми.

Утро нас встретило холодом и гамом куда-то спешащих людей. Внешним осмотром было установлено, что Колька обмочился. Пока устранялась непредвиденная оказия, спальный салон опустел, и весь табор, ночевавший в сарае, спустился по крутому берегу к переправе.

Много сотенная толпа с нетерпением ожидала подхода очередной баржи, чтобы переправиться на левый берег. И когда она причалила к подмосткам, начался штурм, как две капли похожий на тот, который я увидел много лет спустя в кинофильме «Бег». Нечего было и надеяться на то, чтобы с кучей детей прорваться к осаждённому судну.

Но вот крошечный буксирчик вывел неуклюжую громадину на стремнину и тотчас, будто этого дожидались, из-за горизонта показалось звено немецких истребителей. Резкие пулемётные очереди хлестанули по беззащитной палубе, и началась паника. Не видя способов спастись от свинцовых жгутов, люди прыгали за борт, сметая всё и всех перед собой. Невообразимый, полный ужаса многоголосный вой был настолько силен, что перекрывал рёв моторов и звуки непрерывно стреляющих пулемётов. Буксир загорелся, кто-то обрубил буксирный трос, и баржа, испуская дикие вопли, равнодушно понесла пассажиров вниз по течению. Помощи обречённым ожидать было неоткуда.

И ещё несколько раз пыталась мать рискнуть и перебраться на противоположный берег, но безрезультатно. К тому же с рассветом фашисты начинали азартную охоту на любой плывущий по реке объект, соревнуясь в стрельбе, словно в тире.

Почему немцы не расстреливали скопища людей на суше – до сих пор не ясно. Только кажется мне, что не русских жалели они, а саму станцию, от разрушений сохранить хотели как стратегически важный железнодорожный узел.

Нам недолго пришлось дожидаться фашистов. На третьи сутки они уже деловито хозяйничали повсюду, и пытались заигрывать с детьми и женщинами. Станцию захватили без единого выстрела.

В моей памяти появление фашистов связано с наплывом огромных грузовиков, крытых брезентом, орудий и миномётов. Целые горы белых мешочков с твёрдым, как камень, веществом, по виду напоминающим макароны, навалом лежали на промёрзшей земле. Как потом оказалось, это был артиллерийский порох. Один из них я тут же прибрал к рукам и попробовал «макаронину» на зуб, за что и получил крепкий материнский подзатыльник.

Вскоре немцы подогнали товарный состав с вагонами – «телятниками», загнали в них всех беженцев и повезли в неизвестном направлении. С тележкой пришлось расстаться.

Поезд двигался урывками, пропуская на разъездах встречные эшелоны, груженные боевой техникой и войсками.

Нас высадили в станице Обливской – большом казачьем селе, – полупустом и полуразрушенном. Немецкий переводчик популярно объяснил, что с этого момента «все будет проживать хир». Где – здесь, он не объяснил.

Наскоро поручив дочери не спускать с нас, пацанов, глаз, мать кинулась искать новое пристанище. Вскоре она вернулась довольная и улыбающаяся, и сунула каждому по доброму ломтю душистого белого хлеба.

Собрав свои небольшие пожитки, и не переставая работать челюстями, мы вереницей тронулись вслед за матерью. У элеватора, вокруг которого тлели и дымились горы почерневшего зерна, мать свернула налево, и метров через триста мы остановились у небольшой мазанки с выбитыми окнами и сорванной с петель дверью.

– Здесь вот и будем жить, – устало сказала мать, обводя рукой небольшой сад, изрытый воронками, и изорванный в клочья плетень.

Внутри казачьего куреня, кроме мусора, дряхлого, неизвестного цвета, дивана и проколченого обшарпанного стола, ничего не было. Зато справа от входной двери, как памятник хозяину, возвышалась великолепная русская печь с лежанкой.

– Местные жители подсказали, что пустует, – сказала мать, обращаясь к Мане. – Ничего, дочка, день – два поработаем и заживём по-людски. Главное – печь хороша, не даст зимой замёрзнуть. А топливо – вон оно, рядом с элеватором. Обугленная пшеница для еды непригодна, но горит хорошо и жару даёт много. Я сейчас к соседям схожу, а вы, пацаны, ступайте – ка в сад, наберите хворосту. Мы из него веников навяжем.

Дом стоял на краю неглубокого овражка, за которым расположилась какая-то немецкая часть. Вдоль аккуратно расставленных палаток неторопливо прохаживался часовой, а поодаль дымилась походная кухня, распространяя вокруг себя вкуснейший аромат какого-то варева.

– Эй, киндер, – закричал с того берега заметивший нас часовой, – ком хир, – махнул он рукой.

Мы испуганно юркнули в кусты и помчались домой: кто знает, чего задумала эта немчура...

Через неделю выбитые стёкла с помощью соседей были вставлены, казаки – народ запасливый, отремонтированная дверь висела на месте, в печке потрескивало зерно, а духмяный аромат из глиняного горшка приятно дразнил ноздри. В нем уваривались кукурузные початки – настоящее лакомство для детишек и взрослых, сытная, замечательная еда.

Мне уже не припомнить всех подробностей жизни в Обливской. Не знаю, например, где добывала мать пищу для нашего брата, чем занималась Маня, и кем были наши сверстники. И всё же наиболее яркие эпизоды жизни на оккупированной территории навсегда врезались в память.

Однажды, где-то ближе к весне, мать не вошла, а влетела в распахнутую дверь, молча и быстро усадила меня и Колю на диван, приказала коротко «не слезайте» и мгновенно исчезла.

Заразившись её волнением, мы притихли и с замиранием сердца ждали дальнейшего развития событий. Не прошло и пяти минут, как в сенях раздались тяжёлые, бухающие шаги и в комнате появились два здоровенных немца с автоматами наперевес. Они быстро обшарили глазами полупустое помещение, по-хозяйски заглянули в потухшую русскую печь и, разочарованные, повернули было к выходу. Но вдруг длинный, рыжий верзила, повернулся к нам лицом, направил на нас оружие, сказал, как выстрелил, короткое – «пупф!», и засмеялся, удовлетворённый детскими испуганными лицами. Затем рыжая морда подошла ко мне, приподняла за бока и ссадила с дивана, сопроводив своё действие междометием «оп!». Аналогичную процедуру он проделал и с братом.

Не сговариваясь, мы дружно и, главное, громко заревели. Игнорируя детский плач, немец приподнял диванное сиденье, извлёк из-под него спрятанный матерью олунок муки, с удовлетворением сказал «гут», и немцы, переговариваясь и весело скалясь, исчезли из поля нашей видимости.

Вскоре объявилась и мама с Маней. Мать, не стесняясь выражений, высказала своё отношение в адрес грабителей, долго сетовала о похищенной муке, а сестра вытерла наши слёзы и сопли.

Второй случай был противоположен первому. Мы с Колей имели, конечно, друзей – одноклассников, живших на нашей улице. А рядом – за оврагом – расположился немецкий миномётный батальон. Их миномёты они «Ванюшами» называли. «У вас – «Катюш», у нас – «Ванюш», – поясняли они в разговорах с пацанвой. Да пусть как хочешь называют, но только при стрельбе их миномёты завывали, как стая голодных шакалов.

Немцы – народ пунктуальный. У них всё по расписанию: когда вставать, когда стрелять, когда пищу принимать, – по полочкам расписано. Что касается до их других атрибутов – нам, пацанам, было наплевать. Но вот время приёма немцами пищи мы знали с точностью до минуты. И только потому, что главный батальонный повар имел привычку раздавать нам остатки не съеденного солдатами провианта. Поэтому к началу обеда человек пять-шесть огольцов всегда кучковались на почтительном расстоянии от походной кухни и с нетерпением

ждали сигнала, по которому разрешалось подойти к повару. Каждый в руках держал какую-то посудину, – котелок там, кастрюльку или банку. По знаку весёлого повара мы робко приближались к кухне, и немец, приговаривая, что у него на фатерланд тоже есть трое киндер, распределял между нами оставшуюся на дне котла пищу. Не то, что некоторые – вывалят остатки в канаву, а нам в ней ройся. Что и говорить, сердечный был человек, не как те оглоеды, что стырили последнюю муку из-под дивана. Мы, отоварившись, по-детски его благодарили и мчались домой делиться добычей.

И уже тогда я сделал для себя вывод, что не все немцы – фашисты.

Где-то по ранней весне участвовали налёты на Обливскую нашей авиации. И взрослые, и детвора не только по звёздам на крыльях, но и по звукам научились распознавать, кто летит. Не скрывая своего восторга, мы с воодушевлением провожали взглядами пролетающих на запад бомбардировщиков и прикрывающих их истребителей. И в это время у матери выработался новый условный рефлекс: за несколько минут до налёта у неё начинали невыносимо ныть зубы. Как это получалось, объяснить она не могла. Но симптомы подтверждались на практике, и в скором времени материнская зубная боль являлась сигналом, своеобразной сиреной что ли, по которой мы заблаговременно укрывались в погребе, вырытом на задах, и переживали тревожное время.

В мае сорок третьего года дождались – таки мы освободителей. Люди ликovali от восторга, смеялись и плакали от счастья, словно с приходом наших закончились и материальные и духовные беды и болезни. Нет, всё это осталось, но зато свобода принесла освобождение от страха потерять жизнь по прихоти любого оккупанта.

Вскоре мы перебрались в Сталинград. От бывшего великолепия чудесного города остались лишь стены да трубы. Огромные завалы из битого кирпича и смрадных помоек, по которым, совершенно не боясь прохожих, шныряли длиннохвостые крысы.

Пропитанные гарью и порохом, здания будто бы кричали во весь голос о том, что совсем недавно здесь проходила величайшая из битв на земле.

– Будто Мамай прошёл, – только и сказала мать, сокрушённо покачав поседевшей головой...

К сожалению, и молебен не помог о сохранении нашего дома. Там, где висела в нашей комнате гитара, зияла огромная, в полтора метра в диаметре, рваная дыра, а с потолка свисали скрученные огнём железные балки.

И все же город жил и дышал. Озабоченные люди спешили на восстановление тракторного завода, открывались школы и больницы, бойко работали магазины, столовые и базары, на которых предлагали все, что угодно, только плати. Но нам, только что прибывшим из оккупации, негде было жить.

Однако полная энергии, неутомонная и деятельная мать и здесь нашла выход из тупиковой ситуации. Совершенно случайно в одном из четырёхэтажек сохранилась полуразрушенная ванная комната. Одной стены у неё не было, но вокруг валялось столько обломков, что хватило бы не на один прекрасный дворец.

И мать, засучив рукава и призвав на помощь нашу хлипкую детскую силу, принялась за строительство. Общими усилиями мы сбросили с третьего этажа ржавую ванну, заложили проем, и уже через три дня ночевали за плотно прикрытой дверью. Электролампочку с успехом заменила коптилка, а теплом согревала, сделанная из старой бочки, буржуйка, приютившаяся как раз у входа направо. Мы очень гордились, когда, уходя из дома, закрывали на всякий замок свою отдельную однокомнатную квартиру. Однако крыша – крышей, а кушать хотелось каждый день... Подходящей работы для многодетной женщины не было, и она, по примеру других, попробовала свои силы в розничной торговле, продавая на базаре семечки и сушеную рыбу. Почему – то считалось, что это спекуляция, и она преследовалась по закону. Но семья имела прибыль, и голодать перестала.

Красивая, обаятельная и общительная женщина, мать с удивительным мастерством выкручивалась из щекотливых ситуаций, выходя сухой из воды. Её неустанная трудовая деятельность завершилась появлением в семье необыкновенного существа. Однако не спешите с ухмылкой. Нравственные и моральные устои матери были вне подозрений. Просто она купила... козу. Крупную, весёлую и главное – дойную. Здесь, очевидно, не последнюю роль сыграли крестьянские мотивы материнской души.

– Теперь с молочком будем! – с гордостью сказала мать, нежно поглаживая холку лохматого чудовища. – Зовут её Зойка, а жить станет вместе с нами. Так теплее и веселей... Ну, а по весне отдадим на выпас в общее стадо.

Зойка быстро адаптировалась к местным условиям и через пару недель лихо взлетала на третий этаж, извещая о своём прибытии дробным цокотом острых копыт по бетонным ступеням лестничных пролётов и железному настилу вместо цементной плиты между вторым и третьим этажами. Встречали мы её с восторгом и всегда припасали что-нибудь вкусненькое: пучок свежего молочая, корочку хлеба, а то и два – три листочка от капусты. На нашу детскую любовь она отвечала полным выменем парного молочка, очень полезного для Коленки – хилого, болезного мальчика, страдающего от мудрёного недуга, от которого и лекарства – то не было.

Весну следующего года мы встретили с радостью. Как ни хороша зима, да холодна уж очень. Мне к этому времени стукнуло семь лет, пора было готовиться к школе. В связи с этим предстояли расходы, и немалые. Кроме учебников, необходимы еще и одежда и обувь, не говоря уже о мелочах. Мать стала на всём экономить.

Я тоже подключился к этому процессу, и в летние жаркие дни, по примеру сверстников начал торговать на базаре водой. С большим пятилитровым чайником и алюминиевой солдатской кружкой, с раннего утра и далеко за полдень детским пискливым голосом я зазывал жаждающих, предлагая свой немудреный товар:

– Кому воды холодной, кто с утра голодный! Эх, навались, у кого деньги завелись!

. Меня останавливали, щупали бока чайника, определяя температуру воды, интересовались ценой.

– Не сомневайся, дяденька, только что из– под крана, – беззастенчиво врал я, наполняя кружку.

– Пейте на здоровье, на рупь – досыта!

В особенно жаркие дни в воду бросали лёд. Мороки с ним было, конечно, много. Мало того, что за ним надо было бегать аж до самого молокозавода, а это в один только конец километра полтора, нужно было ещё и сторожу платить. Пока отмоешь от опилок и прибежишь на рынок, от порядочного куска льда с гулькиным носом остаётся. Цена на охлаждённую воду, естественно, поднималась и обходилась покупателю рублём за кружку. За день непрерывной беготни выручка составляла в среднем рублей десять – пятнадцать. Сумма не ахти какая, если принять во внимание, что солдатский котелок картошки стоил восемьдесят, а булка чёрного хлеба – сто двадцать рублей. Но, как говорится, курочка по зёрнышку клюёт, и то сыта бывает. Во всяком случае, на стакан пшена денег хватало. А это – ужин на всю семью!

Когда работы не было, детвора сколачивалась в стаи и двигалась в сторону Мечётки, район частных построек. Здесь в оврагах и откосах всегда находилась пара патронов и пригоршня артиллерийского, в дырочках, длинного пороха, а то и оружие, если повезёт.

Однажды на горе себе тройка моих друзей обнаружила целый склад, снарядов и сот пять ружейных патронов. По глупости разожгли на дне оврага костёр и кинули в него снаряд. Хотелось узнать, как оно будет. Жажнуло так, что в близ расположенных домах стёкла повыбивало. Один пацан погиб на месте, другому оторвало руку, а Генке ногу до бедра. Родители захлебнулись слезами. Ну, ладно, война, а тут в мирное время уносит и калечит её эхо детские безвинные души.

К зиме Генка уже бегал с костылём на «снегурке» по оледеневшим дорогам, оклемался. Так что жить было можно, но с оглядкой.

Однако жизнь располагает, а случай предполагает.

В начале августа во время очередной облавы на спекулянтов забрали нашу мать в КПЗ, а товар, как водится, конфисковали. Ей бы, как всегда, дать нужным людям «на лапу», Но то ли денег не хватило, то ли начальник попался слишком принципиальный, то ли кому-то из чиновников рыбки захотелось. Словом, обвинили её в злостной спекуляции и упрятали за решётку на полгода. Вот когда по-настоящему мы почувствовали отсутствие матери.

Несмотря на наши титанические усилия, пищи для пропитания категорически не хватало. После долгих семейных споров мы пришли к выводу, что продать Зойку всё-таки придётся. Однако и при жесточайшей экономии вырученных денег хватило ненадолго. Наступали холода, и «вода со льдом» успехом уже не пользовалась.

Есть с каждым днём хотелось всё сильнее. И первого сентября отправился я не в школу, как предполагалось, а к хлебному магазину за милостыней. Изо всех сил, борясь с робостью, напроць сгорая от стыда, я в первый раз протянул руку навстречу тучной женщине, выходящей из хлебного магазина, и еле слышно прошептал:

– Тётяшка, подайте кусочек. Три дня маковой росинки во рту не было.

– А пошёл ты, – услышал я злой лай вместо ответа, – у самой дома целый выводок дармоедов.

От стыда и обиды я готов был провалиться сквозь землю. Крупные слёзы неожиданно навернулись на моих глазах, я отвернулся и подавился беззвучным плачем. Вера в человеческое сострадание потерпела сокрушительное поражение.

– Эй, внучок, – окликнул меня кто-то дребезжащим тихим голосом, – на – ко вот, пожуй довесочек.

Я замер, подождал и потом медленно и настороженно обернулся. Сухонькая небольшого росточка старушка с болью, глубоко спрятанной в тёмных глазницах, протягивала мне корочку:

– Ты, я вижу, и впрямь в беду попал.

Я робко принял подавание, а она, тяжело вздохнув, грустно произнесла:

– Ты на тётку – то не обижайся: горе – оно и добрым может быть, и плохим. Где живёшь – то, и с кем?

Своим сердечным вниманием она чем – то напоминала маму, и неожиданно для себя откровенно и доверительно рассказал обо всём: о пропаже матери, о сестре и брате и о Зойке, навсегда потерянной для семьи.

– Что ж, – сказала, собираясь уходить бабуля, – все под Богом ходим. А милостыню просить – не воровать, не грешно.

Так я втянулся в попрошайничество. Не раз и не два вместо подачки в лицо мне бросали презрительное – «побирушка», «нахлебник», «бездельник», «много вас таких». Но в целом моё мастерство выклянчивать подавание день ото дня оттачивалось само по себе, и бывали дни, когда котомка увесисто и приятно оттягивала плечо, и тогда я бежал на базар, распродал излишки и покупал или менял куски хлеба на картошку или пшено – самый выгодный и самый необходимый продукт в доме. В такие дни мы закатывали пир, с удовольствием уплетая картошку в мундирах, макая её, горяченькую, в крупную соль и заедая хлебом.

Четыре долгих месяца, как часовой на посту, стоял я у «своего» магазина, постоянно отставая его от покушений залётных конкурентов. Это была моя территория, и за неё я готов был перегрызть кому угодно горло. Постоянные покупатели уже привыкли к моей серой невзрачной фигуре, в любую погоду, стоящую на посту, лучше меня знали историю моей жизни и нередко протягивали, кто что мог, даже тогда, когда я и руки – то не протягивал. Кто кусок, кто рублик, а если повезёт, то и конфетку.

В Новогоднюю ночь мы всегда ожидаем чуда. Во всяком случае, втайне верим, что оно может произойти. Иначе чем объяснить, что именно тогда, словно фея из сказки, появилась на пороге мать. Только много лет спустя краем уха я услышал, что за примерное поведение скостили ей срок отсидки. А в ту памятную ночь узнали, что, наконец, отыскала она адрес пропавшего отца, что работает он на Урале и что совсем скоро оформит на семью вызов, – что-то подобное теперешней визы за границу – без которого передвижение граждан моей страны из одного региона в другой категорически запрещалось.

С тех пор по вечерам мы грезили этим таинственным и далёким краем, представляя, какая в будущем ожидает нас, ну просто замечательная, жизнь!

Чтобы выжить и не умереть с голоду, мать снова принялась за торговлю, потому что только рынок мог прокормить такую ораву. Мне строго – настрого было заказано заниматься своим ремеслом. Вместо этого какими – то правдами и неправдами я был определён в первый класс и, говорят, учился сносно, особенно по арифметике. Однако вскоре после Победы школу пришлось бросить. От отца шли письма, что оформление вызова, несмотря на послабления в миграции населения, затягивается по причинам, ему непонятным.

Возмущённая и нетерпеливая мать на семейном совете решила, что лично поедет к отцу и покажет тамошнему начальству, что такое разъярённая многодетная женщина.

В деревне, где проживала наша тётка и куда привезла нас мать по договорённости, нам, конечно, не обрадовались. В Костарёво, как и везде в сельской местности, свирепствовал голод. Война вымела из сусеков и амбаров всё до зёрнышка, до пылинки.

Мать уехала, а мы сели на диету – крапиву, лебеду и отруби – лучшее средство от ожирения, о чём мечтает сейчас добрая половина человечества.

У тётки Наташки – сестры нашего отца – до нового урожая оставалось с полпуда проса да пяток иссохших от долгого хранения желтобрюхих тыкв. Но и из этих продуктов супчик да жиденькая каша не часто появлялись на выскобленном до блеска столе.. Попробовал я было по старой памяти пройтись по деревне с протянутой рукой. И подавали поначалу, когда узнавали, что я и есть один из сынков Насти – хохотушки, а потом стали гнать со двора: повадился; у самих на полках мыши ночевали.

С деревенскими огольцами я сошёлся быстро. Пару раз подрался, показал, что шит не лыком, и отстоял свою независимость. В ватаге было веселее переживать чувство голода. Кроме того, мы регулярно совершали набеги на сусликов. Сытому не понять, какое это замечательное лакомство! Ловили их предельно просто. Разыскивали норы в поле, отмечали их веточками, приносили воду в вёдрах и для той, откуда появлялась любопытная мордочка, делали искусственное наводнение. Здесь-то и начинался самый ответственный момент: нельзя было прозевать появления из норы его обитателя, иначе с прытью своей ускользал он моментально. Хитрый зверь обладал великолепным умом и не ограничивался одним входом и выходом в подземелье. Деревенские об этом хорошо знали и размещали свою убойную силу у каждой норы в десятиметровом радиусе. Однако фантастическая ловкость проныр превосходила допотопную тактику, и зверь редко становился добычей изголодавшихся детей.

Если мы с Маней ещё как – то сопротивлялись голоду, то Коле было это не под силу. Он совершенно иссох, как когда-то я, страдая от приступов малярии. Жесточайший понос изматывал его до предела, прямая кишка вываливалась наружу, и я, оставаясь с ним один на один, с трудом вправлял её назад, подавляя непрошеную рвоту.

Приходил фельдшер из соседней деревни, прописал больному какую-то микстуру, но она помогала Коле, как мёртвому припарка.

Как – то раз, вернувшись домой после очередного набега на сусликов, я наткнулся на висячий замок на входной двери. Запор для меня не был помехой, и я по потайному лазу уже через минуту оказался в доме. Бросив взгляд на кровать, где лежал брат, я сразу же определил, что он скончался.

– Отмучился, сердешный, – только и сказала тетя Наташа с грустью, и перекрестила покойника.

Похоронили Колю на деревенском кладбище, обозначив свежую могилку самодельным берёзовым крестом.

Только через тридцать лет мне удалось побывать в этих местах. И тоже по весьма печальному случаю. Старший брат моего отца, Николай Михайлович, всю жизнь проживший в Азербайджане, измученный ностальгией, вернулся в родные места, на родину своих предков, и умер в одночасье.

После похорон дяди я долго бродил по запущенному, густо заросшему разнотравьем и кустарником кладбищу, пытаясь отыскать Колину могилку, но тщетно: время старательно вылизало не только места захоронений жертв пост – военных последствий, но и постаралось стереть из памяти воспоминания о них.

Никто из деревенских не смог указать на его могилку, как будто Коли никогда и на свете – то не существовало.

Глава вторая

Заглядывая в прошлое, вспоминая события многолетней давности, мы подсознательно прокручиваем в хронологическом порядке их влияние на нашу дальнейшую жизнь. И вольно или невольно желаем выдать прошедшее в позитивном плане. Подтасовка фактов, лакировка действительности – производные существующего строя. Я тоже заражен этим социальным вирусом, поскольку являюсь продуктом развитого социализма.

Наткнувшись на непреодолимую преграду в воплощении идеи справедливого благоустройства общества, народ решил играть по новому сценарию, предложенному воинствующими диссидентами и революционно настроенному большинству. История повернула вспять, возвращаясь к «проклятому» капитализму, как столпу непримиримой конкуренции и на этой основе – ускоренному развитию экономического прогресса и улучшению материального благосостояния людей. Разумеется, отпала необходимость подвывать власть имущим, получая за это хоть небольшие, но гарантии в возможности сводить концы с концами. Всё большую силу набирает свобода слова, и чопорная испокон веков цензура, в понимании моего прокоммунистического воспитания, себя изжила. Наступила эра благоденствия для развития творческих сил во всех сферах человеческой деятельности.

А рядом с этим, словно цветы по весне, распустились, пользуясь вседозволенностью, подпольные пороки, и, в первую очередь, преступность, проституция и беспробудное пьянство.

В этом крепчайшем зловонном коктейле, как ни парадоксально, родилась, стала стремительно расти и развиваться каста деловых людей, очень точно названная неизвестным гением – новыми русскими. Пока простолюдины, захлёбываясь в восторге, пропивали своё проклятое прошлое и наслаждались любовью освобождённых от всяких условностей женщин, умные люди прибирали к рукам брошенное ими богатство. Были, конечно, и светлые головы, пытающиеся перекрыть этот невообразимый восторженный и пьяный гвалт. Но к большой радости умников, против протрезвевших выступили батальоны преступной гвардии, ставшие в скором времени несокрушимым оплотом интеллектуальных грабителей. Такого невиданного разгула коррупции не могли предположить даже фантасты.

Впрочем, это было потом, а пока мы прибыли в Челябинск – колыбель Южного Урала, мрачный, закопченный город с непролазной грязью и частоколом высоких заводских труб. Основанный в восемнадцатом веке как пересыльный пункт для каторжан, он стал стремительно расти за счёт неисчислимых природных богатств, и за два последующих столетия превратился в монстра, извергающего для страны продукцию чёрной металлургии. Этому способствовали и часть эвакуированных предприятий с Запада.

Подробностей встречи с отцом я не помню. Так, какие-то мелочи. То возникнет образ дяди Вани, черноволосого, широколицего красавца цыганского обличия – загадочного отцова дружка, весёлого и озорного, с мягким окающим акцентом ошанских татар, то отдельные предметы домашнего обихода в заводском общежитии, где нас временно поселили, то обрывки яростных ссор между родителями, ревнующих друг друга к прошедшему в разлуке времени.

Более чётко вырисовываются картины нашей жизни в заводском шлакоблочном бараке на двадцать восемь комнат, одна из которых под номером 11 стала нашей на долгие годы. Ровно столько же квадратных метров было и в самой комнате. Так что на каждого приходилось места ничуть не меньше, чем выделяют на кладбище.

Но и этому подарку судьбы мы были несравненно рады. Против прежней, сталинградской, она показалась такой просторной, словно танцевальный зал. Тем более, что под окном имелось настоящее паровое отопление – две параллельно протянувшиеся трубы сантиметров в восемь в диаметре.

Была в бараке ещё и двадцать девятая комната, расположенная в самом конце длинного, как пенал, коридора и приспособленная под мужской и женский туалеты. Стены уборной были испещрены шедеврами изящной словесности, ничуть не уступающей произведениям тюремных застенков. Других удобств в бараке по замыслу архитекторов и по соображениям экономии не предусматривалось.

А в коридоре, словно стражи порядка, рядом с каждой дверью стояли табуреты, на которых возвышались, извещая прохожих запахами о достатках хозяев, или керосинка, или примус или керогаз или другой какой-нибудь нагревательный прибор типа популярнейшей в военное время электроплитки. Поэтому в коридоре нашего барака всегда что-то шипело, бурлило, скворчало, убегало и подгорало, варилось и жарилось, выделяя дразнящие и дурманящие запахи пищи и горелой картошки. Как правило, из-за дверей постоянно доносились раздосадованные голоса, разбавленные отборным матом.

Только глубокой ночью в коридоре наступала тишина, да и то на три – четыре часа, потому что рабочий люд просыпался задолго до заводских гудков.

Барак длинный и похож на конюшню, с той лишь разницей, что вместо лошадей в стойлах обитали люди. Был он частью третьего участка семейного посёлка, отдалённого от завода километра на три. Почему «семейного» – никто не знал. Строили его в свободное от работы время и по выходным, если они бывали, и потому этот безрадостный труд назывался семейным. Однако самостоятельно в строй становиться никто не хотел, и «сам» заменили на «семь». Утёрли, так сказать, сопли начальству.

Расположен барак в северном углу посёлка и примыкает почти вплотную к небольшому болотцу, за которым с давних времён стоит ржавый железный забор, опоясывающий территорию плодоягодного сада. Сад экспериментальный и принадлежит сельскохозяйственному институту. Охранялся он бдительно, но кто может остановить изголодавшуюся по фруктам детвору?

Впоследствии эта роскошная плантация стала основным источником моих карманных расходов.

Чуть поодаль от выхода из барака теснились, прижимаясь друг к другу словно в экстазе, сараи и сарайчики, по-местному – стайки. Слепленные из подручного материала, они бдительно охраняли дрова и уголь и всякую домашнюю утварь, пришедшую в негодность, но выбросить которую на помойку не поднималась хозяйская рука. В тёплое время года стайки превращались в детские комнаты, где все, от мала до велика, наслаждались свободой и независимостью. Здесь кипела своя жизнь, насыщенная проблемами детского масштаба.

За три последующих дня после приезда я перезнакомился с многочисленной барачной детворой, подсознательно определяя, кто есть кто. Мне очень понравился Саша Доронин, низкорослый славный крепыш с девичьим лицом и золотистыми кудряшками. Высокий, как жердь, Генка Тимофеев с плутоватыми зелёными глазами вызвал настороженность, а Валька Нестерова обратила на себя внимание тем, что носила под кофточкой ещё не созревшие, но уже видимые груди.

Разные по форме и содержанию, нас всех объединяли, по крайней мере, две вещи: более, чем скромная одежда и непроходящий голодный блеск глаз.

Следуя многовековой традиции, родители устроили новоселье. На праздник пришли несколько отцовых товарищей по работе, в том числе и Иван Алексеич с неразлучной гармонью подмышкой и со своей супругой Марией Олимпиевной. По случаю торжества мать расстаралась, и на сдвинутых столах, дразня глаза и обоняние, стояли тарелки с винегретом, селёдкой и колбаской, огурчики и другая сопутствующая предстоящей выпивки еда. В углу, прямо у дверей, стоял на табуретке пузатый чайник с наваренной бражкой – популярным напитком рабочего класса и местной интеллигенции.

С приходом гостей и без того небольшая комнатуха сузилась до размеров спичечного коробка.

Пацанва, как всегда, роилась в коридоре за дверью. Мать угостила каждого конфетками – подушечками, но ребята не расходились, надеясь получить что –нибудь посущественней.

Когда взрослые подвыпили и от тостов перешли к хоровому пению, я потихоньку стал таскать со стола съестное и угощать моих новых приятелей. Добыча немедленно исчезала в желудках прожорливой саранчи.

– Ты бы бражки вынес, – нагло потребовал Генка, прожёвывая бутерброд с селёдкой. – Знаешь, какая она сладкая! – и он соблазнительно почмокал толстыми губами.

Мне, разумеется, не хотелось падать в грязь лицом перед новоиспечёнными друзьями и, улучив момент, когда взрослые увлеклись разговором, я благополучно чайник умыкнул. Вся ватага во главе со мной немедленно растворилась между сараями, и через пару минут на дне чайника не осталось даже гущи.

Операция прошла успешно, чайник вернулся на место, а подогретая детвора от души дурачилась до глубокой ночи. Меня хвалили, а я, счастливый, витал в облаках.

Никакие человеческие действия, однако, не проходят бесследно. В этом я убедился наутро, когда начались разборки с соседями. Разъярённые мамы откровенно и жёстко высказывали родителям всё, что обо мне думают. «Не успел заявиться, а уже начал спаивать малолетних», – так прозвучала из их уст самая мягкая фраза в мой адрес. В глубине души я им сочувствовал, когда узнал, что двое из наших ночью бессовестно облевались.

Эпилогом этой грустной истории стала показательная порка, во время которой я старательно демонстрировал свои голосовые данные, сладостным елеем разливающиеся по сердцам моих обличительниц. Странно, но себя я чувствовал превосходно, хотя во вчерашней пирушке не отставал от сверстников. Наверняка сказался приобретённый опыт.

Года два назад, ещё в Сталинграде, наварив на продаже воды червонец, я дефилировал по базару в поисках недорогого, но подходящего для еды продукта. Времени было навалом, и я не торопился с выбором. Да и сумма, которой я мог распорядиться, не оттягивала карман.

Остановил меня звонкий тенор зазывалы, доносившийся из середины плотного кольца людей:

– Эй, навались, у кого деньги завелись! Делайте ставки! Выдаю без справки за рубаль – десять, за десять – сто!

Активно поработав локтями и по пути схлопотав подзатыльник, я пробрался к центру круга и увидел рулетку возле одноногого мужика в потёртой армейской гимнастёрке и замусоленных временем, неопределённого цвета, брюках. Самодельная рулетка представляла собой круг диаметром сантиметров в двадцать, разделённый сапожными гвоздиками на сектора. Каждому сектору присваивался порядковый номер. Из центра, как из ротора двигателя, возвышалась ось с перпендикулярно прикрепленной к ней штангой, на конце которой находилась мягкая пуховая кисточка, скользящая при движении по гвоздикам. На каком из секторов кисточка останавливалась, тот и выигрывал. Если, конечно, на него была сделана ставка. Вот так. Просто, как всё гениальное.

Я долго следил за игрой, завидуя везунчикам, и всё больше соглашался с мыслью, что и мне стоит рискнуть. Это тебе не «напёрсток» и не «двойная петля», построенные на надувательстве, уверял я себя. Здесь всё чисто, без обмана, здесь господствует господин Случай. А вдруг фортуна и мне улыбнётся!

Подставные, работающие на крупье-инвалида, потрясая пачками выигранных денег, умело подогревали алчущих в мгновение ока обогатиться обывателей.

И я решился поставить свою последнюю десятку. Кажется, это был номер 31-й.

Замерев в ожидании, я неотрывно следил за бешено бегущим пёрышком, умоляя его остановиться перед моими деньгами. И потерял дар речи, когда это произошло.

– Эй, кто на тридцать первого ставил? – поднял голову крупье. – Что, нету такого?

– Да вот он, – потрепал меня по голове кто-то из стоящих обок. – Слышь, парень, забирай свой выигрыш.

Обалдевший от неожиданной удачи, я выскочил из толпы, сжимая в потной руке пачку замусоленных бумажек. Такой суммы денег у меня ещё никогда не было. В уме я уже прикидывал, на что их истрачу. Но прежде всего надо было купить хотя бы два стакана пшена.

Размахивая пустым чайником, в приподнятом настроении, я уже наострился топать домой, когда увидел у выхода тётку, торгующей домашним вином. «А почему бы не спрыснуть удачу, как делает это отец, принося домой зарплату, – подумалось мне. – Чтобы её не вспугнуть?».

Я подошёл к торговке и солидно выложил перед ней десятку. Она молча отмерила стограммовый стаканчик из четверти – трёхлитровой высокой бутылки с узким горлышком – и пододвинула ко мне. Я отхлебнул тягучей жидкости, и она мне понравилась. Настойка готовилась из настоящей смородины.

Я быстро допил остатки и почувствовал, как по всему телу разлилась тёплая волна. Однако чем ближе я подходил к дому, тем всё более ощущал, как тяжелели ноги. В голове шумело, а земля слегка раскачивалась.

Кое – как спрятав остатки денег в тайничок, я поспешил подняться домой. Матери, к счастью, не было, и я сразу же лёг.

Наверное я заснул, потому что разбудили меня прикосновения её рук.

– Никак заболел, – сказала мама с беспокойством, щупая мой лоб. – Дай-ка я с тобой лягу.

Вдруг она глубоко потянула носом, внимательно посмотрела в мои глаза и вкрадчиво сказала:

– Постой, постой... А ну-ка дыхни.

Через пять минут моя первая тайная пьянка была раскрыта, и я клятвенно обещал никогда более не совершать опрометчивых поступков.

К сожалению, вскоре я забыл и про свой позор и про первое нравственное падение, подлый клятвопреступник...

Остаток летнего времени я посвятил укреплению своего авторитета среди братвы. Происходило это экспансивно, в ходе игр и развлечений. Случайно, одним словом. Но ведь давно замечено, что цепь случайностей – это уже система, а система вырабатывает характер.

В июле и августе месяцах наша полудикая кодла совершила несколько удачных набегов на плодушку – так коротко называлась среди нас научно-экспериментальная станция института садоводства. Несмотря на предупредительные меры со стороны руководства, уберечь плантацию от опустошительных набегов не удавалось. Конный охранник и два-три пеших сторожа, вооружённые берданками, не могли противостоять летучим шайкам обнаглевших подростков. Дети войны, мы имели представление, что такое тактика. Чтобы обмануть охрану, не раз использовали отвлекающий манёвр. Мы шумно инсценировали момент набега в одном месте и стягивали к нему все охраняющие сад силы, а деревья трясли прямо в противоположном. Добычу складывали за пазуху. Во-первых, яблок туда вмещалось не меньше ведра, во-вторых, в случае преследования практически мгновенно добычу можно было сбросить на землю и заметно увеличить скорость, и при задержании нагло отрицать свою причастность к воровству.

С сумками в сад не лазали. Сумка – явная улика, а собирать в неё – только время терять.

Наши отношения со сторожами не выходили за рамки контролируемой ими территории. Главное – успеть смотаться за ограду. Забор представлял собой границу, пересекать которую они не любили. Мне рассказывали, что года два назад один из стражей грубо её нарушил в пылу погони, но был жестоко избит стайей подростков и еле унёс ноги вместе с вдребезги разбитой берданкой.

После удачного улова мы разгружались в сараях, сортировали яблоки и выходили к местному кинотеатру реализовывать товар. Брали недорого, и к вечеру в карманах у каждого весело позвякивало серебро и шуршали измятые кредитки.

Родители смотрели на моё занятие, как на озорство, вспоминали молодость, когда сами трясли соседские яблони, хотя и своих фруктов девать было некуда. И ежу понятно, что в чужом огороде – даже перец всегда слаще.

Осенью в возрасте восьми с половиной лет я был определён во второй класс. Документов у меня никаких не имелось, и мать уговорила завуча взять меня с испытательным сроком. Считал я превосходно, читал посредственно, а писал, как курица лапой.

Школа располагалась на Плановом посёлке, в полукилометре от дома. Деревянное, насквозь прокопчённое двухэтажное здание относилось к постройкам прошлого века и чудом держалось под напором ветров. Под топотом сотен сапог и ботинок оно стонало, скрипело и трещало, но не желало заканчивать жизнь самоубийством. Классы, как две капли воды похожие друг на друга, до отказа были забиты партами – развалюхами с проходами между ними сантиметров в двадцать. У дверей стоял небольшой учительский столик, за которым висела неопределённого цвета классная доска.

По списку в нашем втором «б» числилось тридцать девять учеников, но теснота была такая, как будто на первый урок явились и родители.

Места занимали самостоятельно, и я ухитрился расположиться за круглой печкой – контрамаркой, стоящей на «камчатке». Рядом плюхнулся розовощёкий боровичок Миша Фельдман. Оценив ситуацию, я остался доволен. Зимой будет тепло, и от учительских глаз далеко-далеко. Что касается соседа, то в первый же день оценил свою удачу. Отец у Миши занимал пост начальника ОРСа, по другому – отдел рабочего снабжения – и единственное чадо всегда имело в портфеле приличный бутерброд или пару сдобных булочек. Но главное, что Миша не был жмотом и всегда делился. Кроме того, у него частенько появлялись деньги, что вносило в нашу дружбу определённый шарм и укрепляло взаимопонимание.

Учебный год начался с прозаичного колокольного звонка, прозвучавшего из рук школьного сторожа инвалида дяди Васи. Впоследствии я заметил, что звонок на перемену звучал у него значительно звонче и веселее.

Никаких торжественных речей, ни цветов ни нарядных костюмов, к которым привыкла теперешняя школа, не было. Буднично и прозаично, кругленькая, как колобок, учительница вошла в класс, поздоровалась, взяла в руки классный журнал и начала переключку. Когда очередь дошла до моей фамилии, строго спросила:

- Это не ты ли неделю назад мне стекло рассадил?
- Что вы, – отвечаю, – быть такого не могло. Мама говорит, что я послушный мальчик.
- Вот как, – удивилась она и что – то отметила в тетради.

Нина Ивановна, так звали нашу учительницу, все науки преподавала одна. Даже чистописание, чёрт бы его побрал. С ним у меня сразу не заладилось. Перьевые ручки и непроливашки – чернильницы, которые приходилось таскать с собой, оставляли кляксы и помарки на тетрадных листах, как я не уберегал их от этого.

Зато на переменах у меня прекрасно получалась игра в пёрышки.

Учился я охотно, но без прилежания, и относился к середнячкам. Материал схватывал на лету, а за посторонние разговоры нередко наказывался и частенько грустил за классными дверьми.

Более всего мне нравились книги. Начиная с третьего класса, я запоем читал всё, что попадалось под руку. Читал всегда и везде: по дороге в школу, за обедом, на уроках и даже под одеялом с помощью фонарика, если мать под утро сердито выключала верхний свет. Мне нравилась литература приключенческого жанра и фантастика. Со своими героями я побывал в таких местах и повидал такого, что другому и на двести лет жизни не хватит.

Однажды снежной зимой я даже стал главным героем транспортного происшествия. Уткнувшись в книгу и не замечая ничего вокруг, я переходил дорогу и был сбит лошадьё. Пустые сани вдавили мои ноги в придорожный снежок и проскользили полозьями по валенкам. Перепуганный возница помог подняться, убедился, что со мной всё в порядке, и разразился отборным, сочным матом. Агрессивное его поведение было настолько очевидным, что я поспешил уйти от греха подальше.

Не могу обойти воспоминанием про ещё одно важнейшее событие. В школу я ходил в первую смену и вставал рано. Обычно будили меня всей семьёй, но на этот раз я проснулся от постороннего шёпота. В комнате резко пахло лекарствами и ещё чем – то незнакомым. Иногда слышались сдержанные стоны матери. Я сразу сообразил, что присутствую при родах. Затаившись, как мышь, внимательно вслушивался в обрывки разговоров и пытался понять, что происходит за моей спиной, однако никакой подходящей картинке не вырисовывалось: моих познаний в акушерстве явно не хватало.

Через несколько минут раздался зубовный скрежет, мать ойкнула и замолчала, и в наступившей паузе резко заверещал голос новорождённого.

– Ишь, какой звонкий, – одобрительно обронила какая– то женщина, – богатырь!

В тесно заставленной комнатухе места для кровати моему братцу не нашлось, и отец смастерил зыбку – небольшое корытце, подвешенное на крюк под потолком. По моей просьбе имя ему дали Юрий.

За летние месяцы я крепко сдружился с братьями Григоровыми – Вадимом, Федей и Толиком. Был у них ещё и старший брат – Виктор, но тот парень крутой, с нами не якшался и занимался чем – то таинственным и, как казалось, запретным. Все его уважали, но побаивались. Была и сестра Зинка, наша ровесница, на плечах которой лежало всё ведение домашнего хозяйства.

У Витьки имелась прекрасная голубятня на крыше сарая, и целая стая великолепных турманов, настолько неотразимых, что к ней всегда прибывались чужаки. Я с восхищением наблюдал, как Витька, заметив в небе чужую пару, немедленно поднимал на перехват свою сплочённую голубиную эскадрилью и заманивал её на свою территорию. Утром хозяева пленённых голубей отыскивали похитителя и на договорных условиях выплачивали ему выкуп. Это приносило ощутимый доход, а Витькины проданные голуби, как правило, возвращались домой.

Всё лето с Григоровской ватагой я бегал на озеро Смолино, настолько широкое, что напоминало море, и противоположный берег его просматривался только в ясную погоду. Кстати, и вода в озере, в точности похожая на морскую, была солёной. По этой причине, к всеобщему огорчению, рыбы в озере не водилось, и только спустя много лет здесь развели зеркального карпа. Расположенное на краю города, чистое, как родниковая вода, оно было излюбленным местом отдыха для всех горожан. Захватив по куску чёрного хлеба и пучку зелёного лука с солью, мы выдвигались на его окраины и бросали якорь в небольшом заливчике, с правой стороны, поросшей камышом. Вода здесь неглубокая, прогревается быстро, а дно песчаное и покатое. Конечно, лучше было бы пойти на водную станцию. Там и бассейн с разделёнными поплавками дорожками, и вышка для прыжков с трамплинов, и лодочная станция и даже буфет с газировкой. Единственное, что нас не устраивало, так это то, что за всё надо было платить.

Весь берег озера – это длиннющий пляж с жёлтеньким песочком. Дно, как в Анапе, пологое. Сотню метров пройдёшь, пока до глубины доберёшься. Вода, как парное молоко..

Но купались до посинения, до перестука зубов.

Потом возвращались к повседневным делам. Играли в «чику», в «пристенки», очко и «шестьдесят шесть» на чердаке, а вечерами обязательно участвовали в русском лото. В те времена в лото увлекались все поголовно. Собирались после ужина на полянке между бараками. Хозяину лото разрешали играть на одной карте бесплатно. Так сказать, в качестве компенса-

ции за износ. Цену на остальные карты устанавливал референдум потенциальных участников игры. Как правило, она не превышала десяти копеек.

Всякая игра, какой бы честной ни казалась, содержит элементы обмана. В том числе и в лото. Здесь мы тоже мухлевали. Когда очередь доходила вытаскивать и кричать цифры кому-нибудь из наших, он, складывая в мешок бочонки, мгновенно подбирал номера на «квартиру» поделнику и зажимал их в ладони. Чтобы притупить бдительность играющих, выкрикивал их через раз, через три. Вследствие такой безобидной махинации вероятность выигрыша заметно возрастала.

Должен сказать, что большинство из нас игровые номера на картах знали наизусть. Прошло уже полвека, а я до сих пор помню, что нижняя строчка на «арапке» состояла из цифр 7,19,20,36,47. «Арапкой» называли карту под номером тринадцать.

С документом о получении начального образования я поступил в школу – семилетку. Стояла она на самом краю КБСа – района, застроенного сталинскими пятиэтажками. Добротные кирпичные дома с отдельными квартирами и всеми удобствами – предмет лютой зависти всех жителей бараков и их недоброжелательства к счастливицам. Что означала аббревиатура «КБС», никто толком не знал, но барачники расшифровывали её как «Колония Бешеных Собак», выражая, таким образом, своё презрение к заводскому начальству, выбравшим местом своего обитания именно этот район. Кроме того, с кэбээсовцами мы враждовали и если попадали в зону их влияния, то подвергались нещадному избиению. Ну и мы, конечно, в долгу не оставались.

Старая школа не выдерживала никакого сравнения с новой. Выкрашенная в канареечный цвет, она, как пасхальное яйцо, утопала в обрамлении сосен, берёз и, подстриженных «под бокс», кудрявых кустарников. На задах школы располагался настоящий спортивный городок. С перекладинами и брусьями, с ямами, оборудованными для прыжков в длину и высоту, с кольцами и беговыми дорожками. В светлых, просторных классах стены украшали портреты выдающихся людей, а рядом с учительским столом (ботаники постарались) красовался уголок живой природы.

Преподавательский состав тоже блистал. Ещё не старые и опрятно одетые, учителя заметно отличались от нашего Колобка и вели себя достойно и сдержанно. Не изгладится из памяти Людмила Михайловна Ноткина, поразительный знаток истории государства Российского, Юлия Фёдоровна Листьева, географичка, с её феноменальной зрительной памятью. Не глядя на карту, она с удивительной лёгкостью прибывала в нашу школу из любой части света. А Константин Михайлович Байдолин, обучающий нас азам изящной словесности? Поговаривали, что сидел он в местах не столь отдалённых. За инакомыслие. Да нам – то какое дело, перед кем он преклонялся, будь тот хоть самым Мандельштамом?

Увы, время никого не щадит, пусть пухом им будет земля...

Никогда, к сожалению, не забуду и Нину Яковлевну Шапкину, математичку – фанатку. Злобная и истеричная женщина, обойдённая вниманием мужского населения, она искренне не понимала, как отдельные ученики вроде меня не могут понять, почему A квадрат плюс B квадрат равняются C в квадрате. И где на практике можно применить котангенс? Извини, читатель, если ты заметил ошибку в приведённом уравнении. Видит Бог, я в этом не виноват.

Подводя черту к выше сказанному, я прихожу к выводу, что талант в Империи Зла занимает не последнее место.

Свою первую любовь я увидел дней через десять после переезда. Собственно, в тот момент я и не подозревал, что она станет причиной душевных переживаний и нравственных потрясений. Просто шла по своим делам симпатичная девочка небольшого росточка, одетая в ситцевое платьице, а я стоял на высоком крыльце нашего барака и обозревал местность. И внимание к ней привлекла не стройненькая фигурка, не гордо вздёрнутый курносый носик, а расписная тубетейка, из-под которой в разные стороны торчали светлые косички. Через

минуту девочка исчезла за углом, но в памяти что-то осталось. Вполне возможно, что во мне проснулся дремлющий инстинкт охотника – мужчины.

С некоторых пор интерес к противоположному полу у меня появился. Во всяком случае, я не без удовольствия принял участие в игре, придуманной Валькой Нестеровой – разбитной девчонки из девятнадцатой комнаты.

Как-то в отсутствие родителей она собрала всю шантрапу в нашей халупе и предложила поиграть в больницу. По её мнению, именно там мальчики и девочки должны снимать с себя штанишки, ложиться друг на друга и совершать несложные телодвижения. Не помню, кто под моим оказался, только мой, с мизинец длиной, членик вдруг пришёл в движение и восстал. Валька, наблюдавшая эту картину, засунула левую руку себе под трусы, правой ухватила за мой пенис, направила его в промежность девочки изаволялась. Моя партнёрша по больничной кровати неожиданно пискнула, заплакала, все пришли в замешательство, и на этом игра прекратилась.

А на следующий день произошёл скандал. Девочкины родители, потрясая справкой перед моей матерью, во всё горло орали, что их дочь опозорили «на пятьдесят процентов» и что в этом виноват я. Меня допрашивали под пыткой, но ничего членораздельного и вразумительного не добились. Да и что от меня хотели, я так и не понял.

– Что ж, – сказала мать с сарказмом, – давайте их поженим...

Предложение было настолько неожиданно и комично, что все онемели, а потом заулыбались. Наконец, применив метод перекрёстного допроса всех собравших в кучу участников вчерашней игры, взрослые вынесли вердикт, что злоумышленницей содеянного является Валька. Какое она понесла наказание, осталось тайной. А потерпевшую девочку после этого так и прозвали «Пятидесятипроцентной», и носила она эту кличку до тех пор, пока не уехала.

Подробности о моей тайной симпатии я постепенно узнавал во время совместных развлечений. Играли в лапту, в телефон, в «третий – лишний» и другие забавы. Она, оказывается, тоже была из числа эвакуированных с Украины, что живёт практически рядом и что учится в третьем классе. Мои робкие попытки познакомиться поближе встретили непонимание, если не сказать большего. Гордая и самовлюблённая недотрога, она знала себе цену и отвергала любые знаки внимания. И её равнодушие к моей особе я расценил, как сокрушительное поражение. Впрочем, так оно и должно было быть. Длинный, как карандаш, и худой, как щепка, выглядел я не самым лучшим образом и положительных эмоций вызывать не мог. Общеизвестный озорник и проныра, в присутствии этой занозы я терялся и проглатывал язык. И мне стало понятно, что эта девочка – не моего поля ягода.

Дни, как чёрная речная вода, протекали за днями. Опостылевшую до чёртиков люльку, из которой Юрка, наконец, спустился на землю, кому-то отдали или продали, и качать теперь стало некого.

Расцвела всем на удивление сестра Машенька. Она уже работала кассиром в поселковом кинотеатре. Я очень гордился, когда на зависть приятелям в любое время проходил в кино бесплатно и по их просьбе после начала фильма открывал двери на выходе. Без лишнего шума ребята мгновенно рассасывались между зрителями и ловили свой кайф.

В восемнадцать лет Маша влюбилась в старшину – сверхсрочника Александра. Родом он был из Ворошиловграда. Потомственный казак переквалифицировался и стал танкистом. Балагур и весельчак, он удивительно быстро создавал вокруг себя атмосферу праздничную и лёгкую, а за словом в карман не лез. Мать он покориł тонким остроумием, отца – разговорами об армии, меня – анекдотами. Какими чарами он околдовал сестрицу, Маша не рассказывала. Но мы и так догадывались, потому что кроме общительного характера Саша обладал и неотразимой внешностью.

Свадьбу справили по-семейному скромно. Но был приглашён со своей женой и неразлучной гармонью Иван Алексеевич Пугаев, их общий знакомый сталевар Охрименко, – вот и все гости.

После свадьбы Маша ушла жить на казённую квартиру, а через год молодая чета укатила в бухту Провидения – самую удалённую точку страны на востоке. Поехали, как говорили соседи, «за длинным рублём».

Отец попрежнему работал в мартеновском цехе на завалочной машине. Я побывал у него на работе, и он показал мне место под плавильной печью, где во время войны удавалось поспать три – четыре часа между сменами. Дома он разговаривал редко и только по делу, горькую пил по праздникам и в получку, но уж если шлея попадала под хвост, то загуливал на три дня кряду. И тогда его словно прорывало. Говорил без умолку, ругался, не стеснясь в выражениях, сыпал обвинения направо и налево в пьяном бреду, и в этом потоке словоизвержений невозможно было понять, где правда, а где ложь.

Чтобы как-то охладить его пыл, я его связывал, и он безропотно подчинялся. И только будучи уже спеленатым, возмущался и обзывал нас фашистами.

Наутро отец трезвел, виновато прятал глаза и снова шёл на работу, задумчивый и молчаливый.

В шестом классе произошли два знаменательных события, повлиявших на мою судьбу. Одно из них позорное, о котором я признаюсь впервые. Дело в том, что, продолжая читать запоем, я всё чаще стал посещать книжные магазины и приобретать дефицитные издания. Денег, конечно, не хватало, и однажды, увидев на прилавке «Тысячу и одну ночь», я спёр с верёвки чьи-то кальсоны и нижнюю рубашу и загнал их на барахолке за тридцатку. Вечером мать плевалась и ругалась, «что б у них руки отсохли», кляня ворьё, которое уже и исподним не брезгует. Оказалось, что бельё во дворе было отцовым. У меня хватило сообразительности на её гневную тираду ответить дипломатичным возмущением, составленным из междометий, но книга восточных сказок в золотом переплёте стала украшением будущей личной библиотеки.

Другим увлечением стал авиамодельный кружок. Втянул в него мой одноклассник Витька Корепанов. Кружок работал в заводском Дворце культуры. Занимались мы в нём всю зиму. Ни одной модели не построили, но лексикон мой обогатился такими завораживающими словами, что дух захватывало: нервюры, стрингеры, элероны, даже штопор. Кружок по непонятным причинам развалился, и я немедленно перебрался в драматический и танцевальный. Дела и здесь пошли неплохо. Я даже прочитал со сцены стихотворение «Рассказ танкиста», но на этом артистическую карьеру пришлось завершить, поскольку меня прилично отлупили кэбэ-эсовцы и пообещали ещё, если я приду в другой раз. Слово своё держать они умели, и я решил не искушать судьбу. Кроме того, интересы другого порядка стали заполнять пустующую нишу моего сознания.

В один из январских холодных вечеров я возвращался из Дома культуры, замёрз, как собака, и решил заскочить к Григоровым погреться и поболтать. В коридоре их барака у окна стояли две знакомые девчонки Танька и Любка и о чем-то тихонько беседовали. Танька была на полголовы выше меня и заметно крупнее. Любка наоборот, росточком пониже и постройней. Обе жили на Плановом, и какие дела привели их в наши края, оставалось лишь догадываться.

Мне было доподлинно известно, что мальчиков они любят и легко идут на контакт. Шалавы, одним словом, но сладостно доступные девочки – подростки. При их виде у меня потекли слюни, и я сказал себе, что было бы неплохо с какой –нибудь из них потрахаться. Однако я и понятия не имел, как приступить к такому деликатному делу.

– Привет, – поздоровался я на всякий случай. – Скучаете?

– Греемся, – ответила Любка. – Пришли к подруге, а её нет. А ты чего один, как сыч бродишь? Приключений ищешь на свою задницу?

Девчонки дружно засмеялись. Я засмутился и покраснел до ушей.

– Да ты не обижайся, – примирительно сказала Танька. – Любка она такая, за словом в карман не лезет. Конфетку хочешь?

Я отрицательно помотал головой и пробормотал что – то вроде благодарности. От волнения во рту стало сухо. Кое – как проглотив слюну, я чуть слышно прошептал:

– Я другого хочу...

– Это интересно, – заглянула в мои глаза Любка. – А поконкретнее сказать не можешь?

«А, будь, что будет!», – подумал я и нырнул головой, словно в омут:

– Люб, дай, а?

– Чего – «дай», – стала уточнять Любка, тихонько посмеиваясь.

– Ну... в общем – дай, – пересиливая робость, снова попросил я.

– Да чего же ты хочешь, – с наслаждением тянула резину Любка, давно понявшая, в чём дело.

– Господи, какая дурочка, – не выдержала и вмешалась в разговор её подруга, – он тебя хочет!

– Где, здесь? – посмотрела на меня, как на чокнутого, Любка. – А вдруг кто-нибудь выйдет?

– А мы за дверью, – умоляющими глазами просил я её. За дверью находилась прихожая, вроде сеней.

– Не-не знаю, – уже мягче засомневалась Любка и подалась навстречу, когда я обнял её за талию.

– Да дай ты ему! – снова не выдержала и пришла ко мне на помощь Танька, сама исходя в истоме. – Видишь, как парень мучается.

И Любка, сама того не подозревая, оживила в моих штанах полового разбойника. При этом сделала она пустяки: открыла дверь в сени и поманила за собой пальцем.

– Подстелил бы что-нибудь, – попросила она в темноте будничным, спокойным голосом, – пол – то холодный.

Весь дрожа от возбуждения, чувствуя, как мой кончик больно и настойчиво рвёт ширинку, я торопливо сбросил с себя телогрейку, кинул её на пол и почти сразу же услышал приглушенный голос Любки:

– Иди уж...

Даже если бы меня встретили тысячи раздвинутых навстречу женских ног, я бы никогда не запутался в выборе цели. А подо мной находилось всего две, и между ними лежал кошелек, цены которому не было. Словно в трансе, я торопливо расстегнул пуговицу, сдерживающую моего нетерпеливого господина, и он, как изголодавшийся зверь, выпрыгнул наружу и сразу же обнаружил дичь. Она была где – то рядом, нужно было слегка только помочь. И я, схватив зверя за холку, направил его мордой в волосяной кустик.. Любка слегка сдвинулась, и мой натянутый, как стрела, пенис провалился в тёплую, ласковую бездну. Испытывая восторг от волшебного блаженства, я взахлёб заскакал на Любке, учащая возвратно – поступательные движения.

– Господи, да ты в первый раз, – догадалась Любка и подалась передком вверх.

И в этот момент наступило мгновение, за которое люди развязывают войны, идут на преступления и кладут головы на плаху. Тело моё затрепетало и выплеснуло наружу ступок такой энергии, которой бы хватило взорвать все сейфы Гохрана.

Как бы сложились события дальше, сказать не могу, но тут раздались скрипучие шаги снаружи. По ступенькам кто-то поднимался. Мы торопливо вскочили, я набросил на плечи фуфайку и шагнул к выходу. Навстречу попался незнакомый мужик, сказал непонятную фразу, но я не остановился и в величайшем смятении помчался домой. Заснул под утро весь в смятении и сладких воспоминаниях. Днём втихаря я аккуратно вырезал на дверях своего барака: «15. 02 . 52 г.». Эта дата напоминала мне рубеж перехода из ранней юности в суровую зрелость многие годы.

В начале марта пятьдесят третьего года умер товарищ Сталин. Говорят, многие радовались этому событию, но я не видел ни одного счастливого лица. Люди плакали, выражая свою скорбь и с тревогой думая о будущем.

В день похорон по всей стране ревели заводские, фабричные и автомобильные гудки, и страна замерла на целых пять минут.

Траурные звуки похоронного марша, транслируемые по радио, остановили меня по дороге на Плановый. Сняв с головы свой старенький картуз, я молча вслушивался в скорбную мелодию, и невольные слёзы скатывались по моим промёрзшим щекам. Что будет завтра, никто не знал, и люди больше всего пугались этой неопределённости. Слухи, один тревожнее другого, поползли по городам и весям. Говорили об амнистии среди заключённых, об отмене Указа о ежегодном снижении цен на продукты и товары, о повышении налогов, об удорожании жизни. Будущее рисовалось в тёмных и мрачных цветах. Народ затаился в ожидании вестей из Москвы.

Произошли изменения и в моей маленькой жизни. С горем пополам я закончил – таки семилетнюю школу и остановился перед дилеммой: учиться ли дальше, пойти в ПТУ по примеру Витьки Черепанова из 28-го барака – моего идейного противника и противоборца в кулачных боях, или устроиться на какую – либо работу.

Кстати, о Черепанове. ПТУшник, он был, может и хороший, но дрался неважно. Сам я на рожон никогда не лезу и нестандартные ситуации стараюсь решать путём переговоров. А если перевес сил склонялся не в мою пользу, мог свободно и дёру дать. Те, кто меня не знал, считали, что я трушу. В этом и заключался их просчёт.

Витька тоже так считал, рыпался первым. По части поводов для драки у Черепанова проблем не имелось. Заводился с пол-оборота, и почему – то дрался обязательно со мной. Теперь-то я понимаю, что у парня было неуёмное честолюбие. Ведущий боксёр училища никак не хотел примириться, что его одолевает какой-то уличный забияка. Откуда ему было знать, что втайне я изучал приёмы джиу-джитсу не только теоретически. Во всяком случае, некоторые болевые точки мне были известны, и я этим пользовался при определённых обстоятельствах. Но это так, лирическое отступление.

В принятии решения на продолжение учёбы помог случай.

Как – то мы с Витькой Корепановым ехали в гости к Маше на Переселенку.

– Гляди-ка, аэроклуб, – сказал он с энтузиазмом. – Зайдём?

– Айда, – согласился я, и мы вышли из трамвая почти в центре города.

Полутёмное помещение встретило нас специфическим моторным запахом, множеством схем и текстами, отпечатанными на машинке. На одном из них посетителям сообщалось, что в парашютный и планерный кружки записываются граждане в возрасте от 16-ти лет, а в лётную секцию – с девятилетним образованием.

«Хочу быть лётчиком», – решил я в тот же момент.

Мы потоптались ещё немного, рассматривая фотографии выпускников аэроклуба, поговорили с секретаршей, выяснили, что набор на курсы пилотов проводится в начале осени и удалились с достоинством.

Веским аргументом в пользу получения среднего образования являлось и то, что моя симпатия перешла в девятый класс. Она по-прежнему не обращала на меня внимания и дружила с мальчиками – старшеклассниками. Ходила с ними в кино, театры, зимой каталась на коньках. Об этом я узнавал, а иногда и наблюдал своими глазами. С каждым годом я всё более влюблялся и всё более ревновал. Мне бы подойти к ней, поговорить, может быть даже признаться в своих чувствах, в крайнем случае предложить дружбу, но я считал себя таким ничемным, что даже мысль об этом казалась кощунственной и дерзкой. Многие впоследствии годы я был уверен, что красотой женщины можно только любоваться, и никак не желал понять, что ею позволено и обладать. Я был наивен и искренне верил, что красотки никогда не спят с

мужчинами. Что-то наподобие красавиц на полотнах известных художников: лицезреть можно, а любить нельзя. К моему глубокому огорчению (и не только), осознание своего глубокого заблуждения пришло ко мне с нсерьезным запозданием.

Новая, третья по счёту мужская школа в Челябинске, где я начал учиться, находилась в трёх километрах от дома. Это было солидное четырёхэтажное здание, окружённое красивым чугунным забором. Позднее к общей радости раздельное обучение отменили, и в нашем «9-том «А» появилась единственная девушка – Женя Кожевникова. Весёлая, разудалая и рыжая, с милой щербинкой между резцами, она пользовалась неоспоримым авторитетом и объектом внимания всего класса. Мне припомнился рассказ Горького «Двадцать шесть и одна», однако Женька хотя и принимала ухаживания, дальше лёгкого флирта не заходила. Слухи и намёки о её мнимой неприступности, конечно, были, но их распускали завистники, оскорблённые её равнодушием. Мне довелось как-то проводить Женьку до подъезда, и кроме флиртового разговора ничего не вышло.

В любом молодёжном коллективе почти каждый носит кличку. Для краткости в общении. Но каждая из них является, как правило, ключевым словом к характеристике человека, своеобразным, так сказать, ярлыком на предлагаемый товар. Как они возникают и кто их автор, никого не интересует, главное, что она есть. Носят они временный характер, но иногда прилипают до тех пор, пока не износишься сам.

Свою первую кликуху я получил в шестом классе с лёгкой руки исторички. Мои ответы при опросе выходили за рамки школьной программы, и это её удивляло:

– Гениально! – восклицала она, выслушивая краткие подробности в раскрываемой мною теме. – И откуда тебе это известно?

– Да так, – скромничал я, умалчивая об источниках своих знаний, – читал кое – что.

Не мог же я ей сказать, что пользуюсь Большой советской энциклопедией.

С тех пор на короткое время ко мне прилипла кличка «Гений». Внешне я на неё не обижался, а втайне даже гордился. Но носил её недолго. И в этом была виновата та же историчка. Как-то после моего очередного блестящего ответа она с уверенностью сказала:

– Из тебя выйдет прекрасный историк! Ведь выйдет же? – посмотрела она на меня умоляюще. Не знаю, почему... да что там – по своей глупости, я возьми и ляпни:

– Извините, Людмила Михайловна, но историю я не люблю.

Только потом до меня дошло, что заявление моё перед всем классом об отношении к истории прозвучало худшим из оскорблений в её адрес. Деликатная женщина, она промолчала, но с тех пор, как бы я не отвечал, оценки выше четвёрки у меня не было.

Вскорости позабылась и кличка. Зато появилась другая – «Актёр». Она имела прямую связь с моим увлечением драмкружком. Но прожила тоже недолго. И прошёл ещё добрый десяток лет, прежде чем среди польских спекулянтов я стал фигурировать под псевдонимом «Длинный». Псевдоним проходил, очевидно, под большим секретом, поскольку даже я узнал об этом совершенно случайно.

Однако хватит наверное плавать по притокам, пора выгребать и на фарватер и пускаться в свободное плавание.

С первой своей обольстительницей Любашей я не встречался целых полгода. Июль был в полном разгаре, когда она окликнула меня на прополке картошки. В лёгком ситцевом платьишке, она стояла спиной к солнцу и его мощные лучи, словно рентгеном вырисовывали на голубом экране горизонта точёную девичью фигурку. Я вспыхнул и весь зарделся, когда она с явной иронией сказала:

– Ты что же, совсем забыл свою первую искусительницу? Ай, как нехорошо.

– Да ладно тебе, – скрывая смущение, примирительно ответил я. – Можно подумать, что ты без меня скучала.

– Может, и скучала, – и она игриво рассмеялась, давая понять, что в этом-то проблем у неё не было. – Вот возьму и изнасилую тебя сейчас в картошке – за измену, а?

Смешавшись от такого беззастенчивого откровения, я поперхнулся, прочистил горло и с трудом произнёс:

– Что ж, если это как-то искупит мою вину, я готов принести себя в жертву.

– Ладно, не бойсь, – успокоила меня Любка и снова засмеялась. – Чем занимаешься вечером? Может, в кино пригласишь?

Фильм показывали классный, трофейный, кажется «Великолепная семёрка», но мне никакого дела не было до приключений героев на экране. Моя рука не вылезала из-под платья девушки и победно скользила от коленки и выше, вплоть до паха. Любка молча сносила молчаливое признание в любви.

После сеанса мы неистово кувыркались в высокой пахучей траве, а партнёрша, не торопясь и со знанием дела обшаривала пустые карманы моего пиджака. Это возмутительное надругательство над сердечными чувствами стерпеть я не смог, и в дальнейшем наша связь прервалась навеки. Новые события и встречи, не менее интересные, помогли пережить разлуку с ней без особой печали.

Как-то под вечер Витька Череп привёл в сарай девчонку, по виду подростка.

– Вот, – представил он свою спутницу, – переночевать попросилась. Не возражаешь? – и его губастая улыбка расплылась в похоти.

– Мне – то что, – пожал я плечами, – места не заказаны, пусть ночует.

Смазливое личико девушки с благодарностью повернулось в мою сторону.

– Присаживайся к столу, угощайся, если хочется, – указал я на хлеб, огурцы и помидоры. – К сожалению, больше ничего нет. Яблоки тоже, между прочим, не купленные...

– Не откажусь, – кротко улыбнулась она и тотчас приступила к еде.

Из серых глаз её лучился голод, но с едой она не торопилась, с достоинством присаливая помидоры и отправляя их в аккуратный ротик. Обмениваясь короткими репликами, мы выяснили, что вот уже около года Катерина (так она себя назвала) живёт без родителей, путешествует в поисках счастья, да вот никак не найдёт, видно заблудилось или спрятано за семью замками. На работу не берут – нет документов, а если нет работы, то и места в общежитии не положено. Одно за другое цепляется – замкнутый круг, выбраться за который невозможно.

Рассказ звучал правдоподобно, обездоленных войной детей в ту пору бродило по России превеликое множество. Посочувствовав, я предложил:

– Живи у нас, пока не надоест. Может и найдёшь, чего хочешь.

И невооружённым глазом было видно, что единственный кошелёк, из которого расплачивается Катя, спрятан у неё между ног. Близость и явная доступность гостыи настолько возбуждали мой любовный инструмент, что, будь он петухом, давно бы сидел на самом высоком шесте и неистово кукарекал.

Солнце давно уже убежало за плодушку, стало темно и тихо, но мне казалось, что удары моего сердца словно набатом звучали в каждой клетке нашего убежища, – так возбуждала меня близость и явная доступность нашей новой подружки.

– Лезьте – ка на полати. Ночь пора пополам делить, – сказал я, обращаясь в темноту, и ящерицей скользнул по приступкам вверх. Следом поднялась и Катя. Не пойму, как это у меня получилось, но я неожиданно произнёс:

– Иди домой, Витёк. Кто не успел, тот опоздал.

Катерина брызнула смехом, словно бисер рассыпала, а Череп с возмущением ответил:

– Вот гады, я её привёл, и самого же прогоняют. Ну, нет на свете справедливости.

Помолчал и отмахнулся:

– Чёрт с вами, любите на здоровье.

Он шумно и демонстративно захлопнул за собой дверь, и через несколько секунд его шаги растаяли в траве. Осторожно, словно боясь, что птичка упорхнёт, я скользнул по обнажённому телу Кати горячей ладонью и впервые в жизни ощутил под ней мягкий бугорок ещё не оформившейся груди с небольшим пупырышком на вершине. Она придвинулась, и я ощутил прикосновение её жарких губ к моему плечу.

Не знаю, почему, но инстинктивно я стал осторожно массировать Катину грудь, и сердцем почувствовал, что это ей нравится. Потому что она перевернулась на спину, подставляя другую. Я осмелел, и моя ладонь нагло и торопливо стала опускаться всё ниже, пропуская неинтересные места, и остановилась на резинке. Преодолев эту лёгкую преграду, я замер, встретившись с горсткой мягких, как пух волос, а безымянный палец ощутил рубчик плотской материи. Страстный пожар помутил разум, и уже не контролируя своих действий, я начал лихорадочно срывать с неё трусики или то, что от них осталось. Она молча помогла сбросить остатки условностей, раздвинула колени, и я, словно сокол, мгновенно взлетел ввысь и безошибочно ввёл своего часового в тёплую податливую среду. Никогда неиспытанное острое чувство к девочке перехватило дыхание, и я торжествующе зарычал от волшебного блаженства. Катка молча обняла меня за спину и крепко прижала к своему животу. Опираясь пятками о матрас, она страстно посылала себя мне навстречу, крепко прижимая ладонями мои напряжённые ягодицы. Не прошло и минуты, как произошёл взрыв, там, где-то внизу, и беспредельно раскалённая лава, сметая на пути препятствия, широкой рекой рванулась в бездонную пропасть, туда, где происходили таинственные процессы возникновения новой жизни. Это было что-то! ... Совсем непохоже!... На контакт!... С Любкой!...

Часто дыша, я сполз с распростёртого подо мной тела и почувствовал на сухих губах долгий и сладкий Катин поцелуй...

После вспыхнувшей тайной любви к Светке, у меня появилось влечение к стихам. Подвигло к этому регулярное чтение «Пионерской правды». С боем я выбил у матери полугодовую подписку на Всесоюзную газету и очень гордился, когда почтальон приносил нам через день-два очередной номер. Небольшие зарисовки, краткие сообщения и заметки были написаны простым разговорным языком и соблазняли меня попробовать свои силы в журналистике.

Таинственное слово «жанры» в ту пору мне знакомым не было, и потому я стал писать стихи, посвящённые любимому вождю товарищу Сталину. За пару дней из-под моего пера вышло около десятка, на мой взгляд, приличных произведений, не хуже тех, что публиковались в детской газете. В обстановке строжайшей секретности я отослал их в редакцию и затаился в нетерпеливом ожидании. Откровенно говоря, на ответ я не надеялся. С чего бы вдруг редакция решит связать себя перепиской с каким-то бумагомакарой?

Спустя неделю, я с нетерпением стал ожидать появления почтальона и жадно просматривал очередной номер в надежде увидеть напечатанными мои бесценные шедевры. Однако время шло, а от редакции ни ответа, ни привета не приходило. Разочарованный, я уже махнул рукой на нелепую затею, когда вдруг через два месяца к явному удивлению матери мне был вручён фирменный конверт «Пионерки».

Ответ меня глубоко разочаровал. После лестных слов об актуальности выбранной темы мой неизвестный оппонент мягко сообщал, что материал пока сырой, над стихами следует поработать, особенно над рифмой и стилем, чтобы они соответствовали образу великого кормчего и были достойны Его. Словом, как говаривал герой первого советского детектива «Подвиг разведчика», терпение, мой друг, и ваша щетина превратится в золото.

Конверт хранился у меня долго. Несмотря на разгромную критику, он свидетельствовал о причастности к настоящей прессе. Это придавало моей особе весомую значимость и позволяло втайне собой гордиться. Однако после похорон Сталина стихи писать мне надолго разочаровало.

Во второй раз здание областного аэроклуба я посетил без Корепанова. Долго раздумывал над тем, в какую группу записаться, и остановился на планерной. Я написал заявление, и меня без долгих разговоров зачислили в клуб. Теперь по вечерам два раза в неделю я отправлялся изучать конструкцию летательного аппарата «БРО-9» и теорию полёта. Собственно, причислять его к классу планеров было бы не совсем правильно. Предназначен он был для отработки подлётов. Подлёты сравнимы с действиями оперившихся птенцов в гнезде, летать которые ещё не могут, но уже пробуют свои силы «на крыло». Вес планера составлял девяносто килограммов, и приводился он в поступательное движение с помощью двух амортизаторов, метров по двадцать каждый. Амортизаторы одним концом цеплялись к носу планера, натягивались кур-сантами на тридцать – сорок шагов, и тот из нас, кто занимал место в кабине, по команде инструктора с помощью рычага срывался с якоря и поднимался в воздух на пять-шесть метров. Устройство очень напоминало рогатку или катапульту, выстреливающие «БРО -9-тыми». Качество планера – игрушки было настолько велико, что однажды он чуть не улетел, поймав крылом свежий ветер и набрав высоту метров на двадцать.

Благополучно перебравшись в десятый класс, я записался, наконец, в лётную группу. Всю зиму изучал конструкцию двигателя и самолёта, штурмом брал теорию полёта, вникал в премудрости метеорологии и занимался парашютным делом. В конспектах, ведение которых было обязательным, появились необычные схемы и формулы. Знать их полагалось, как «Отче наш» и даже лучше, особенно при контрольных опросах. Список неуспевающих вывешивали в коридоре для общего обозрения и осмеяния.

Преподаватели по характеру и методам обучения заметно отличались. Если, к примеру, двигателю требовал чётких знаний маршрутов движения масла к агрегатам, то аэродинамик строил обучение на игре.

– Допустим, – говорил он, лукаво подмигивая, – летите вы в своё удовольствие и вдруг видите, как на правую плоскость уселась ворона. Как вы думаете, что произойдёт?

И мы начинали с увлечением высказывать гипотезы, одна другой фантастичнее, пока не приходили к общему знаменателю.

В программе оговаривалось, что каждый, успешно освоивший теорию и сдавший экзамены, после получения аттестата зрелости о среднем образовании будет допущен к полётам на спортивном самолёте «Як– 18». Однако обязательным условием допуска был ознакомительный прыжок с парашютом с высоты 800 метров. И об этом стоит рассказать поподробней.

Сбор группы состоялся 16 мая в четыре часа утра около учебного здания аэроклуба. Чтобы добраться до цели к этому времени, мне пришлось проснуться в два ночи. Наскоро сполоснув лицо и проглотив бутерброд, я направился навстречу занимающейся заре. Миновав вокзал, минут десять я шёл за двумя пугливыми тётками с объёмистыми сумками в руках. Мне было понятно их беспокойство. Разбой и грабежи в ночное время были в городе не редкостью. Наверное, они успокоились, когда наши пути разошлись.

Будущий прыжок возбуждал и откровенно пугал. Мне рисовались картины, одна мрачнее другой. Я представлял себя трупом, мешком с костями, лежащим на земле, если вдруг по каким-то причинам парашют не раскроется. И мне было до жути жалко себя, и я трусливо подумывал, не повернуть ли назад, пока не поздно. Стоит ли искушать судьбу, когда пережил самое страшное – войну. С другой стороны, рассуждал я, если прыжок состоится, это будет главная победа всей моей жизни.

Раздираемый противоречиями, я присоединился к ребятам, пришедшим раньше. В отличие от меня они шутили, смеялись и травили анекдоты. Их неестественное поведение не было показным. Большинство парашютистов имели не только спортивные разряды, но и являлись участниками всесоюзных соревнований. Мы, новички, словно растворялись в этой элитной субстанции, и в их непосредственности теряли свои страхи перед ожидаемой опасностью.

– Все в сборе, никого не забыли? – перекрывая общий шум, спросил инструктор, пересчитал нас по головам и проверил по списку. – Тогда поехали...

Солнце над горизонтом только – только поднялось, когда полуторка, на которой мы ехали, притормозила у старта. Так называлась квадратная площадка на аэродроме, обозначенная флажками. Лёгкий ветерок лениво играл в верхушках майской травы, совершенно равнодушный к нашим волнениям. На иссинеголубом небе не видно было ни облачка.

Мы развернули широкий рулон зелёного брезента на старте и аккуратно выстроили на нём снаряжённые накануне парашюты. Каждый проверил свой, подогнал подвесную систему по росту и выслушал инструктора о действиях, в случае возникновения нестандартной ситуации.

– Главное – спокойствие, – уверял руководитель. – Не забывайте, что на груди у каждого из вас есть запасной парашют. После отделения от самолёта начинайте отсчёт времени. Как только произнесёте «Дёргай кольцо – три!», – выполняйте команду. После приземления за вами приедет машина и подберёт.

Невольно я улыбнулся, вспомнив услышанный накануне анекдот. Инструктор наставляет курсанта:

– Надеваешь парашют, грузишься в самолёт, по команде лётчика прыгаешь, считаешь до трёх, дёргаешь за кольцо, парашют раскрывается, ты приземляешься, подъезжает санитарная машина и привозит тебя на старт. Понял?

Курсант сделал всё, но парашют не раскрылся. «Ну, – думает, – если и санитарка не придёт, тогда совсем звездац!»

Начальник парашютной подготовки объявил о начале прыжков и по алфавиту первым вызвал курсанта Анисимова – высокого, крепкого телосложения парня в защитного цвета комбинезоне. Я и предположить тогда не мог, что лет через двадцать стану его заместителем по политической работе. Неуклюже переваливаясь под тяжестью парашютов, он неторопливо двинулся к линии исполнительного старта, где уже стоял под парами легкокрылый самолёт «По-2». Старенькая машина, прозванная в народе «кукурузником», славно повоевала в качестве ночного бомбардировщика и надёжного связного, а теперь доживала свой век, поднимая в небо и сбрасывая с себя рисковую молодёжь.

Анисимов поднялся на нижнее, обшарпанное сотнями ног, крыло, волнуясь, долго усаживался в переднюю кабину, потом инструктор проверил надёжность закрепления фала принудительного раскрытия парашюта, и, ободряюще хлопнув курсанта по плечу, прыгнул на землю.

Лётчик, управляющий самолётом с задней кабины, надвинул на глаза светофильтровые очки и поднял руку, запрашивая разрешение на взлёт.

Курсант – стартёр, словно жезлом, взмахнул белым флажком и указал ему направление взлёта. Мотор самолёта взвыл, набирая полную мощь, биплан сорвался с тормозов и заскользил по взлётной полосе. Потом он приподнял хвост и почти сразу же оказался в воздухе.

Не отрываясь, мы наблюдали за его восхождением вверх и с нетерпением ждали выхода на боевой курс. Самолёт, словно зависнув в воздухе, изо всех сил карабкался вверх и кое – как набрал положенные 800 метров. С земли было слышно, как лётчик сбавил обороты, а через несколько секунд от «кукурузника» отделилась тёмная точка, и почти сразу над нею вспыхнул белый купол парашюта. Все с облегчением вздохнули, стали следить за парашютистом и не заметили, как самолёт, крутнувшись вокруг своего хвоста, быстро приземлился и уже подруливал к «квадрату» за очередной жертвой.

Пока девушку по фамилии Багина усаживали в самолёт, выдавшая виды аэроклубовская полуторка умчалась за удачно приземлившимся недалеко от нас счастливым Анисимовым.

Я с глубоким волнением и неподдельным страхом ожидал своей очереди, рисуя в воображении картины, одну мрачнее другой. Но прыжок следовал за прыжком, а ничего экстраорди-

нарного не происходило. Слушая восторги совершившихся парашютистов, «квадрат» постепенно успокаивался и даже повеселел.

Наконец, время экзекуции наступило и для меня. Дико блефуя, я бодро взобрался на крыло самолёта и основательно угнездился в кабине. Лётчик дал по газам, и мы помчались навстречу моей судьбе.

Никогда в жизни мне не приходилось летать. Кроме, конечно, планера. Но можно ли назвать полётом отрыв от земли на несколько метров? Можно, наверное, но с большой натяжкой.

Раздираемый животным страхом за свою несостоявшуюся жизнь и терзаемый любопытством, я украдкой поглядывал вниз, отмечая, что все предметы на земле заметно помельчали. Господи, на дне какой пропасти находились мои товарищи! И удастся ли их увидеть вблизи ещё раз? Может, отказаться от своей безумной затеи? Пять минут позора – и вся жизнь впереди, как ты думаешь?

Мысли мои прервал толчок лётчика. Он лёг на боевой курс, сбавил обороты, но свист ветра пробивался даже через шлемофон. Пора вылезать из кабины. «А, будь, что будет», – решил я и привстал с сиденья.

Мощная струя встречного воздуха ударила в лицо и грудь, я повернулся к ней спиной и перекинул ногу за борт. Ещё через пару секунд я уже крепко стоял на краю плоскости и наклонился, чтобы помочь пилоту перекинуть через мою спину вытяжной фал.

– Пошёл! – перекрывая свист ветра, крикнул лётчик и жестом большого пальца подтвердил разрешение покинуть самолёт.

Перед тем, как шагнуть в бездну, взгляд успел зафиксировать облитые солнцем площади большого города, среди которых затерялся и мой дом. Я собрался с духом, положил правую руку на вытяжное кольцо парашюта, крепко зажмурился и отцепился от самолёта. Тело моё, не чувствуя опоры, проваливалось в преисподнюю, а вслед за ним камнем несло приотставшее сердце. Дух захватило так, словно я окунулся в ледяную воду, и только в далёком подсознании, словно хронометр, звучали до автоматизма заученные слова: «Дёргай кольцо – раз, дёргай кольцо – два, дёргай коль...». И меня так дёрнуло, что ноги оказались выше головы.

С точки зрения физики положение моего тела было несерьёзно, и, вспомнив закон Ньютона, природа решила исправить эту несурезицу, перевернув меня с головы ногами вниз.

Наступила оглушительная тишина, я закачался на подвесной системе, как в зыбке, и автоматически осмотрел купол парашюта на предмет перехлёста стропами. Всё было в порядке, а вдали промелькнул хвост самолёта, на котором полминуты назад я ещё летел.

Хотите – верьте, хотите – нет, но чувствовать себя хотя бы немного весомым чрезвычайно приятно. Я чуть было не заорал от избытка чувств, и осмотрелся, и пришёл в восторг и понял, что весна продолжается. Теперь главное, чтобы подвесная система не подвела.

Снижения я не замечал, будто завис в воздухе, но точно знал, что скорость сближения с землёй составляет не менее пяти метров в секунду. Она стала заметной минуты через полторы. Я определил направление ветра, с помощью подвесных ремней подставил ему спину и стал готовиться к приземлению.

С каждым мгновением время соприкосновения с землёй сокращалось. Чтобы определить момент встречи с нею, я стал смотреть на горизонт. Как учили, проверил положение запасного парашюта, чтобы верхнее ребро его как можно дальше отстояло от подбородка. Для безопасности.

Действуя строго по инструкции, я вытянул ноги вперёд и тут же ощутил ядрёный удар земли – матушки. Как будто со второго этажа прыгнул. Не раздумывая, вскочил на ноги и быстро погасил купол парашюта. Потом освободился от подвесной системы и начал собирать стропы. Меня распирало от счастья и гордости. Волны хлынувшего в кровь адреналина заполнили тело смелостью и отвагой, я весь сиял, и глупейшая улыбка раскрасила моё лицо. Хоте-

лось снова в небо, снова испытать этот леденящий душу ужас свободного падения, чтобы окончательно убедиться, что ты не трус, что ты поборол страх. Я почувствовал в себе рождение нового качества, – смелости и отваги. Но не в этом было счастье: главное, что машина за мной в самом деле приехала...

Слухи обладают удивительным свойством мгновенно распространяться. Уже на следующий день всей школе стало известно, что вчера я прыгал с парашютом. Событие неординарное, и потому я с напускным равнодушием принимал поздравления и радовался втайне, когда замечал в глазах ребят откровенную зависть и удивление. Даже Женька Кожевникова выразила восхищение моим безумством и чуть не поцеловала.

Будь на её месте Света, я бы умер от счастья.

Почти год назад она уехала из города поступать в зоотехнический институт в Украину. Почему именно туда, я не знал, но догадывался. Во-первых, родилась в тех местах, а дома, как известно, и стены помогают. Во – вторых, родственники обещали помочь. Дядька её в этом институте чем-то заведовал.

О её предстоящем отъезде я разузнал через знакомых ребят, и за полчаса до отхода поезда уже находился на вокзале. Светлану, её подругу Лилику, худую, как жердь, и косоглазую девчонку, а также родителей я заметил сразу, но не подходил, стеснялся. Однако оттягивать встречу времени не было, и я, поборов робость, подошёл к вагону.

– О, это ты, – шумно обрадовался Егор Петрович, Светкин отец.

– Да вот, шёл мимо, – невнятно бормотал я, – случайно здесь оказался.

Все засмеялись и сделали вид, что поверили моему нахальному вранью. И Светка тоже. Лёгкий ветерок купался в её роскошной причёске, бесстыдно облапывал ноги и ласкал небольшую выпуклую грудь. «Вот сволочь, пользуется своей безнаказанностью», – ревновал я её к нахалу.

Не зная, что сказать, а молчание работало не в мою пользу, я, наконец, выдал из себя:

– Надолго?

– Как получится, – ответила она, поправляя локоны. – Хотелось бы надолго, всё зависит от экзаменов. Если задумка сбудется, то не меньше, как на год. А ты, я смотрю, недоволен?

Мой ответ прервал звонкий удар станционного колокола.

– Иди в вагон, – заторопила Светку мать, плотная низкорослая женщина со вставными железными зубами. – Не хватало ещё на ходу прыгать...

Всех по очереди Светлана обняла и расцеловала. Мне подала руку и пожелала удач. Через минуту она выглядывала из вагонного окна и выслушивала последние напутствия провожающих. Я во все глаза смотрел на возлюбленную и последними словами ругал себя за ненужную робость. Нужно было хотя бы намекнуть о своём равнодушии к девушке, осина ты стоеросовая!

Решение пришло в момент, когда поезд тронулся. Я вскочил на подножку, слегка потеснил проводника, уже высунувшего наружу сигнальный флажок:

– Прости, отец, забыл отдать подарок девушке. Я сейчас...

По-моему, он всё понял, потому что кивнул в знак согласия и ругнулся для порядка:

– Ладно, чего там. Чать, мы тоже были молодыми... Но на следующей остановке чтобы духу твоего не было!

Моя замусоленная трёшка благополучно опустилась в карман проводника, и я вошёл в вагон. Поезд уже набрал скорость и весело перестукивал колёсами, когда я появился в третьем купе. От неожиданности девушка приоткрыла рот и застыла в изумлении:

– Вот так сюрприз! – только и сказала она и засмеялась.

– Раньше я ездила без сопровождения. Забыл что-нибудь?

– Почему забыл, не забыл, – возразил я, придавая голосу юмористическую окраску. – Вот, кстати, возьми на память, – и я протянул ей аккуратно завернутый в бумагу ручной работы воротничок на платье, писк последней моды.

– Какая прелесть! – только и сказала она, любуясь тонкой вязью кружев. – Откуда?

– Сестра постаралась. На севере научилась.

– Просто чудо какое-то, – ещё раз подтвердила Светлана, – а я и не знала, что она такая рукодельница, – и попросила:

– Передай ей мою большую благодарность.

Мы снова замолчали, доверительного контакта никак не получалось. Мимо прошёл проводник, коротко напомнил:

– Через десять минут станция, молодые люди.

– Ну, что ж, пора прощаться, – просто сказала Светка, – что скажешь?

– А что можно пожелать будущей студентке? Ни пуха тебе, ни пера. Скоро и я пушусь на поиски судьбы. Решил стать военным лётчиком.

– Хорошее дело, – одобрила девушка, – ещё раз желаю тебе удачи.

Звонко лязгнули буфера, и поезд начал притормаживать. Мы поднялись и направились к выходу.

– Ты напиши мне, – улыбнулся я ей с платформы.

– Будет время – обязательно, – помахала она рукой.

– И помни: где бы ты ни была, у тебя есть друг, готовый помочь в трудную минуту, – признался я напоследок и ещё долго стоял, провожая взглядом поезд, на котором уезжала возмутительница моего спокойствия...

На выпускном вечере аттестаты зрелости вручал сам директор школы. Он произнёс несколько подходящих для этого случая слов, энергично тряс руки виновникам торжества и отпускал их с миром и аттестатами зрелости. Потом заиграла музыка, начались танцы, в которых я не был горазд. Интересно, что мы, подростки, пропадали на танцплощадках, которые в просторечье назывались «сковородками», но никому и в голову не приходило, чтобы присоединиться к вальсирующим. Это было место встреч враждующих между собой группировок и всякого озорства. Здесь любили по кустам и сводили счёты, знакомились и прощались, пили всё, что мутило разум, совершали сделки и планировали кражи. Нам, соплякам, доставляло большое удовольствие наблюдать, например, как вся «сковородка» вдруг неожиданно начинала чихать, нанюхавшись рассыпанного под ноги молотого перца.

По случаю торжества выпускники втайне принесли с собой выпивки, и уже через полчаса почти все были навеселе. Но даже и вином повысить настроение мне не удалось. Почему – то грустило сердце. То ли от посредственных оценок в аттестате, то ли от того, что пришла пора расставаться с юностью, то ли потому, что рядом не было любимого человека.

Школу я покинул задолго до окончания бала.

... В середине июня в аэроклубе объявили начало сборов. За неделю до этого каждый из сорока курсантов знал, что необходимо взять с собой, чтобы не отвлекаться от предстоящей работы на решение мещанских задач. Настроенные по-боевому, мы с шумом и гамом покинули город, и мордатые автомобили – студебеккеры повезли нас в летние лагеря.

Полевой аэродром находился в Шершнях, километрах в пятнадцати от города, но добирались до него почти час. В сущности, если бы не десяток самолётов, выстроенных в одну шеренгу на краю поля, эта огромная лужайка мало походила на аэродром. Окаймлённая со всех сторон берёзами и соснами, она заросла разнотравьем, и только центральная её часть была похожа на просёлочную дорогу, действующую и потому хорошо укатанную. Позади самолётных хвостов, практически в самом лесу приютилось несколько деревянных построек и пяток машин неизвестного назначения. Нас построили в две шеренги на фоне учебных самолётов «

Як– 18», и начальник аэроклуба, молодой, но уже поседевший подполковник, произнёс короткую и ёмкую речь.

– Вы вступаете в новую жизнь, – сказал офицер. – Всё, что было до этого – забыть и наплевать. С этого момента каждое ваше действие должно быть направлено к одной цели – научиться летать.

Позади подполковника стояли лётчики – инструкторы и технический состав. Среди них бросалась в глаза женщина, по виду не девушка, но и не молодая. Как впоследствии выяснилось, она тоже имела прямое отношение к обучению и носила титул кандидата в мастера спорта по технике пилотирования на спортивных самолётах.

Уже к обеду лагерь приобрёл жилой статус. Под руководством расторопного молодого человека в стороне от техники мы поставили полтора десятка палаток, окопали их по краям на предмет защиты от непогоды и установили внутри по три железных кровати, тумбочки и табуреты. Чуть в стороне, метрах в ста, оборудовали инструкторский городок и класс предварительной подготовки к полётам.

На краю строительной площадки был сооружён грибок для наряда с подвешенным на перекладине рельсом. Я попробовал, как он звучит, и все остались довольны.

Со стороны лагерь производил внушительное впечатление.

По окончании работ, как будто этого и ждали, прикатил на полutorке обед. С первым, вторым и третьим блюдами. То ли наработались мы по самые уши, то ли свежий воздух подействовал, но ничего вкуснее в жизни я не едал. Замечательный у всех был аппетит!

После сытного обеда нас разбили на группы, назначили старших и разместили по палаткам, а вечером состоялась встреча с инструкторами.

Мой инструктор Владимир Иванович Зотов всем понравился. Высокий, энергичный, спортивного вида мужчина по своему обличью походил на молдаванина, имел весёлый нрав и располагал к себе простотой и непосредственностью. Званием мастера по технике пилотирования спортивных самолётов не кичился, разговаривал на равных и, как впоследствии выяснилось, в отличие от других, в полётах никогда не выражался матом.

А вот инструктор Полозкина этим серьёзно грешила, но беззлобно, для профилактики. Я долго думал, для чего она держит в кабине корочки от книг, пока не увидел однажды, как в перерыве между полётами она расстегнула комбинезон, сунула в образовавшуюся щель переплёт и благополучно оправилась на пухленькое хвостовое колесо, метко прозванное авиаторами «дутиком».

– Ну, чего рот разинул, – грубовато спросила она, не прекращая начатого дела, – не видел, как женщина стоя ссыт?

Я был посрамлён.

Обучение лётному мастерству началось с облёта района полётов. Я сидел в передней кабине, слегка держался за ручку управления, а инструктор возил меня по зонам для отработки техники пилотирования и по специальному переговорному устройству показывал ориентиры, обрамляющие наше воздушное пространство. На первых порах отрабатывали руление, потом пробежку и подлёты – кратковременный отрыв самолёта от земли с последующей посадкой. Особой сложности эти элементы не представляли, но каждый из нас спускался из кабины на землю мокрым.

Потом началась вывозная программа. Зотов показывал взлёт, набор высоты, полёт по кругу, расчёт на посадку и саму посадку. При этом я мягко держался за управление, словно бы давал рукам запомнить динамику их движений. Главное, требовалось приземлиться в створе посадочного знака, выложенного на земле белыми полотнищами в виде буквы «Т».

Внешне всё выглядело довольно просто: убрал обороты мотора в расчетной точке, и садись. Однако прежде, чем совершить эту несложную операцию, следовало правильно определить начало третьего (расчетного) разворота и снижения, точно выйти в створ посадочной

полосы, определить угол планирования и точку выравнивания, погасить скорость в процессе выдерживания и создать самолёту трёхточечное положение в момент его встречи с землёй. При правильном выполнении этих и других элементов полёта посадка у «Т» была обеспечена.

Как на всяком учебном самолёте, управление на «Як-18» было двойным. Находясь в задней кабине, инструктор полностью контролировал действия курсанта, страхуя от грубых ошибок в технике пилотирования.

В первых полётах присутствие Зотова ощущалось явно. Владимир Иванович редко пользовался СПУ, предпочитая предупреждать мои ошибки с помощью рулей управления. То ручка двигалась против моей воли, то педали становились тяжёлыми, то сектор газа перемещался произвольно.

Однако вскоре симптомы моей безграмотности пропали, так мне казалось. На восемнадцатом полёте инструктор признался, что уже давно меня не подстраховывает, и что я летаю сам.

Я с подозрением поймал его взгляд, но подвоха не почувствовал.

– Завтра планирую тебя на проверку готовности к самостоятельному вылету, – сказал Зотов на предварительной подготовке. – Справишься?

Он ещё спрашивает!

На полёты курсанты поднимались с рассветом. Но ещё раньше просыпались техники. Техник нашего самолёта, по национальности татарин, любил при случае пожаловаться:

– Кому не спится в ночь глухую? – спрашивал он и сам же отвечал: – Технику, петуху и бую. Петуху – петь, бую – еть, а технику – моторы греть!

И заразительно смеялся над своей грубоватой остротой.

Экзамен на самостоятельный вылет я сдавал заместителю начальника аэроклуба по лётной подготовке. Перед проверкой инструктор давал последние наставления:

– Ты, главное, ничего не изобретай. Как учили, так и действуй. И забудь, что сзади у тебя проверяющий. Усёк?

– Усёк, – в тон ему ответил я.

– Ну, и ладушки.

И вот долгожданный день наступил.

За весь полёт по переговорному устройству не раздалось ни одного звука. Я уж подумал, что в задней кабине действительно никого нет, но после приземления в наушниках прозвучала короткая команда:

– Запрашивай взлёт с конвейера!

– Разрешаю, – сказал руководитель полётов, и машина снова оказалась в воздухе.

Через десять минут я зарулил на стоянку, выключил двигатель, сдвинул фонарь, прыгнул с плоскости на землю и по всей форме доложил о выполнении задания.

– Разрешите получить замечания?

– Молодец! – к моему великому удовольствию подвёл итоги проверки замначлёт. – Видишь землю до миллиметра. Разрешаю самостоятельный вылет, – и он сделал запись в моей лётной книжке.

Через минут тридцать самолёт дозаправили, в заднюю кабину усадили «ваньку» – парусиновый мешок, набитый песком, для сохранения центровки, и я забрался в кабину. Зотов, стоя на плоскости, лично проверил показания винтомоторной группы, поднял вверх большой палец и ободряюще потрепал по шлемофону:

– Ну, с Богом...

В благополучном исходе полётов я не сомневался. Но тот, кто взлетал впервые в жизни сам, не дадут соврать, как это волнительно. Я испытывал эйфорию, когда выруливал на линию исполнительного старта. С торжествующими нотками в голосе запросил взлёт, наметил ориентир на горизонте и вывел максимальные обороты. Затем плавно отпустил тормоза и начал

разбег. Самолёт, как скаковая лошадь, рванулся с места в карьер, задрал трубой хвост и устремился в атмосферу. Всё, скорость отрыва достигнута, и небо зовёт к себе. Я только подумал, что ручку следует чуть-чуть потянуть на себя, а самолёт уже висел в воздухе и жадно набирал высоту. Земля сначала охотно, а потом всё медленнее стала отпускать меня от себя, зато горизонт дружелюбно и широко распахнул свои объятия. Ощущение необыкновенное, сравнимое разве что с моментом оргазма.

На высоте 150 метров я, как положено, выполнил первый разворот с набором высоты и направился ко второму, – к тырлу, где топтались коровы. К ферме этой я бегал пешком по ночам к девушкам из соседней деревни. Не знаю, почему, но я очень любил эти самовольные отлучки из лагеря. В сущности, дух захватывал сам процесс его тайного покидания.

В нашей лётной группе, составляющей экипаж, было пятеро. Подвижный, как ртуть, Володя Дружков с явными признаками заводилы. Тонкий, с философским складом ума Женя Девин. Володька Забегаев, недоверчивый и сомневающийся парень. И Зырянов, которого командир отряда окрестил «затыкяном». Внешне Зырянов смахивал на нацмена, и как-то на разборе полётов, отчитывая его за грубую посадку, командир поинтересовался:

– У тебя родители – кто по национальности?

– Мать еврейка, а отец – армянин, – честно признался курсант.

– А ты кто?

– Я? – удивился Зырянов, – я – русский.

– Затыкян ты, а не русский, – засмеялся своей шутке командир и объявил: – За такую посадку – два наряда вне очереди! Ступай галюны чистить, может, голова протрезвеет...

С Вовкой Дружковым мы быстро нашли общий язык. В том числе и по вопросам взаимоотношений с противоположным полом. Поэтому, познакомившись с молодыми доярочками из местного совхоза, мы на свой страх и риск бегали по ночам на свидания. Признаться, встречи носили протокольный характер, слегка разбавленный лёгким флиртом. Однако наши хвастливые рассказы о приключениях создавали у ребят завистливые мысли о половой распущенности их друзей. Против этого мы не возражали. Людям почему – то нравится, когда им завидуют, даже если эта зависть их недостойна.

Разумеется, в воздухе я совершенно не думал об этом. Все мои мысли сосредоточились на том, чтобы выдержать параметры полёта, точно определить начало третьего разворота, от выполнения которого зависит успешная посадка. Сделаешь его раньше – траектория полёта на посадочном курсе будет круче, позже – положе. Я не стал изобретать велосипеда, я делал так, как меня научили.

Над наземным ориентиром, над которым я всегда начинал манёвр на посадку, я осмотрелся, прибрал обороты двигателя и ввёл «Як-18» в разворот со снижением, а дальше всё пошло, как по маслу. После четвёртого передо мной чётко высветилась, обозначенная флажками, посадочная полоса и метрах в двухстах от точки выравнивания – посадочное «Т», около которого я был обязан приземлиться на три точки.

Момент определения выравнивания мне удался, я убрал газ и теперь следил за тем, чтобы самолёт плавно терял высоту и скорость... В моём положении этого можно было добиться только за счёт увеличения угла атаки. Хитрость заключалась в том, что, задирая нос самолёта, я создавал ему посадочное положение.

До земли оставалось не больше десяти сантиметров, и, подобрав ручку управления, я мягко коснулся поверхности аэродрома. Где в этот момент находилось «Т», я не заметил.

По существу, полёт закончился, хотя по инструкции пока двигатель работает, он продолжается.

Зарулив в «ворота», я выключил мотор, вылез из кабины и доложил Зотову по всей форме о выполнении задания.

– Разрешите получить замечания?

Владимир Иванович крепко пожал мою руку и хитро улыбаясь, спросил:

– А где же положенные по такому случаю «вылетные?».

И следуя установленной традиции, я вытащил из-под комбинезона коробку заранее припасённого «Казбека» и протянул её окружающим:

– Закуривайте, ребята.

Глава третья

Шесть тысяч семьсот восемьдесят седьмую зарю своей жизни я встречал, стоя в тамбуре пассажирского поезда. Небо на востоке, куда так стремительно вёз меня локомотив, слегка порозовело, потом подёрнулось желтизной, и вскоре весь необъятный горизонт запылал малиновым пожаром. Солнечные лучи золотыми стрелами пронизывали зелёную канву придорожных деревьев, обжигали стенки вагонов и нагло заглядывали во все окна, приглашая пассажиров включаться в зарождающийся день. Всё побуждало к радости, но для меня монотонный перестук колёс располагал на размышления и создавал грустный настрой. Мягко щемило сердце, и рисовались картины прошлого.

Промелькнул и исчез вдаль полустанок с аккуратным домиком обходчика, высоким журавлём и равнодушной ко всему чёрно-белой коровой. Остался позади автопоезд. По лозунгу на головной машине нетрудно было понять, что колонна направляется на элеватор ссыпать зерно урожая 55-го года.

Я бросил взгляд на часы. Это была «Победа» – первый ручной хронометр в стране, и его подарил мне отец по случаю окончания школы. М

По времени мать, наверное, уже хлопочет у плиты, готовит завтрак для семьи и что-то напевает по привычке. Я люблю её, мою хлопотунью. Просыпаясь иногда от её неосторожного движения и улавливая пряные запахи еды, я испытывал необъяснимое чувство надёжности и удовлетворённо засыпал, так и не поняв причины своего минорного состояния. Именно с матерью связаны все основные вехи моей короткой и не простой жизни. В детском саду побывать мне не пришлось, да и не помню, были ли такие в наше время. Но то, что вместе с мамой пришёл в школу, что от неё получил благословение на учёбу в аэроклубе и на поступление в военное училище лётчиков – это запомнилось навсегда. И я, уже вкусивший прелестей полувоенной лагерной бытовухи, терпеливо выслушивал её наставления, как надо вести себя в армии, словно она знала что-то такое, что мне не было известно. Главное заключалось в том, чтобы не перечить начальству и, упаси Боже, не вступать с ним в конфликт.

Со своим младшим братом Юриком мы попрощались сдержанно, по-мужски. Он уже заметно подрос и занимался в музыкальном кружке, учился игре на баяне. Родители, влюблённые в виртуозное владение гармонью Ивана Алексеевича, решили сделать младшего сына профессиональным музыкантом, справедливо полагая, что баянист голодным никогда не останется. Вначале парень занимался с интересом, но к моему отъезду взбунтовался, отстаивая своё право на свободу выбора и нормальный отдых. Потребовалось немало усилий, чтобы убедить пацана не бросать благородного и хлебного в будущем дела. Впоследствии музыка для брата станет и образом жизни и смыслом существования.

Музыкальный кружок посещала и моя сестрица Машенька. Она тоже играла на баяне и даже выступала на эстраде, развлекая публику перед началом киносеансов, бывшими на слуху мелодиями и развесёлыми попури. Я тоже попробовал свои силы в игре на баяне. Но при всём желании, кроме мотива популярной в те времена песни «На крылечке твоём» из кинофильма «Свадьба с приданым», ничего выучить не смог.

Поднятые зычным голосом проводника, ребята потянулись к туалету. Надо было до прихода поезда в Новосибирск привести себя в порядок.

Через несколько минут мы уже доедали остатки вчерашней пищи, и по команде сопровождающего инструктора Сафонова укладывались, готовясь к выгрузке. Интересно, что и сам Володя Сафонов, тот, который учил нас летать, решил поступать в военное училище вместе с нами.

Величественный, похожий на Дворец культуры, вокзал поразил своей высотой и строгостью линий. Никогда ранее мне не приходилось видеть что-нибудь подобное.

Нас встретила перронная суета, крики ошалевших носильщиков, смех и слёзы встречающих, звонкий, всё покрывающий, голос дикторши.

Закинув за плечо небольшой рюкзачок с поклажей, я стоял в строю сверстников и жадно пожирал глазами калейдоскоп нескончаемых улыбок, увешанные плакатами и объявлениями стены здания и ждал новой команды. Предупреждённые перед отъездом о том, что в дальнейшем гражданская одежда нам не понадобится, мы выглядели как толпа бродяжек на фоне нарядных пассажиров. Каждый оделся в то, что поплоче – всё равно выбрасывать. Прохожие с опаской осматривали подозрительную толпу, обходя её стороной. На всякий случай.

Сафонов куда-то исчез, но вскоре вернулся с военным в чине старшины, и мы, обозначив строй в колонну по четыре, нестройно двинулись вслед за ними.

В большом светлом помещении, куда нас привели, стояли рядами длинные, выкрашенные в жёлтый цвет, деревянные диваны. Чуть в стороне над широким окном висела табличка «Военный комендант», а за стеклом просматривалась физиономия капитана в красной фуражке. Невысокий, кряжистый старшина, за которым мы пришли, приказал построиться и энергично прошёлся вдоль шеренги, с интересом рассматривая отупевшие от многодневной вагонной тряски юные лица цепким взглядом каштановых глаз. Чем-то он напоминал моего шурина Сашу, мужа моей сестры.

– Сейчас подадут транспорт, – сказал энергичный старшина, поправляя большими пальцами под широким офицерским ремнём форменную гимнастёрку. – В машины рассаживаемся по команде и едем в Толмачёво. Там находится пункт сбора, и там вы будете сдавать вступительные экзамены. Вопросы есть?

Выдержав паузу, старшина с удовлетворением ответил:

– Вопросов нет. Из зала не выходить. Можно оправиться. Р– разойдись!

Через час томительного ожидания три стареньких грузовика с накрытыми тентами не спеша отчалили от вокзала, и, покашливая моторами, неспешно двинулись в сторону реки Оби – главной водной артерии Западной Сибири. Широкую, как море, водную преграду благополучно форсировали по новому хрустящему мосту.

Потом зазмеилась улица небольшого чистенького городка, и вскоре, глухо постанывая, машины вползли на территорию главной штаб – квартиры знаменитого на всю страну лётного училища. Так получилось, но тринадцать лет назад оно дислоцировалось в Сталинграде, а когда начались бои за город, было переброшено в Сибирь. Бывшее Качинское, оно было переименовано в Сибирское авиационное училище лётчиков имени Краснознамённого Сталинградского пролетариата. По существу, мы с училищем были как бы земляками, и эта новость приободряла и вселяла в меня уверенность, что родственники не подведут.

Весь остаток дня мы потратили на обустройство. Под руководством вездесущего старшины по фамилии Кольчугин носили со склада кровати, тумбочки, табуреты и матрацы. Застелили постели, чистили, скребли и мыли полы, двери и окна, обживались и притирались друг к другу.

Со второго этажа отлично просматривалась самолётная стоянка с двумя длинными рядами зачехлённых «МИГов», а по рулёжной дорожке неторопливой хозяйской походкой с карабином за спиной двигался часовой в зелёной накидке. Самолёты – красавцы были настолько хороши, что дух захватывало! Не верилось, что я удостоюсь когда-то чести не только летать, но даже сидеть в кабине такого чуда.

К вечеру казарма сияла чистотой и источала порядок. Построившись, мы двинулись к солдатской столовой, низкому приземистому зданию из красного кирпича. Когда я вошёл, бросились в глаза длинные столы со скамейками по бокам, а в нос шибануло спёртым воздухом и специфическим запахом пищи, замешанном на солдатском поту. Однако никого это не сму-

тило. Мы смело атаковали столы, раздатчики сразу же принесли бачки с перловой кашей и тарелки с кусками селёдки и чёрного хлеба, и через мгновение молодые челюсти активно заработали к явному удовольствию желудков.

Из огромного, выдавшего виды, помятого чайника каждому налили полную кружку горячей жидкости, чуть прислащенной и бледно-жёлтой, и мы добросовестно почаёвничали. Некоторые дохлёбывали на ходу, потому что раздалась команда:

– Встать! Выходи строиться!

...Авиация, как ни один другой род Вооружённых Сил, требовала не только физически сильных и здоровых людей, но смелых и сообразительных, а главное – влюблённых в небо. С бесстрастностью счётной машины Приёмная комиссия фильтровала через свои тенета прибывшую, и пока безликую, человеческую массу и старательно, как на прииске, выбирала из сотен тонн породы крупницы драгоценного металла. Никакое влиятельное лицо в государстве не было для неё авторитетом, способным изменить её решение – так, по крайней мере, мне думалось в то далёкое время. Набор курсантов был строго ограничен, об этом все знали, и это взвинчивало и без того натянутые нервы.

Через день началась медицинская комиссия. Проходила она в училищном лазарете. Полуголые ребята с озабоченным видом ходили из кабинета в кабинет, ждали своей очереди и рассказывали небылицы, одна страшнее другой. Кто-то убеждённо врал, что в кабинете психолога имеется ложный пол, наступив на который человек неожиданно проваливался. Здесь – то его и поджидал врач, измеряя кровяное давление и пульс. А невропатолог – тот совсем зарвался: бьёт своим молотком в места, о которых стыдно и сказать.

Наслушавшись страхов, пацаны невольно ощупывали себя, прислушивались к своему организму, пытаясь найти симптомы несуществующих болезней. Эта нервотрёпка продолжалась целых два дня. Главное, врачи, словно сговорившись, ничего не сообщали, и это сбивало с толку.

Мне тоже пришлось поволноваться после встречи с терапевтом. Прослушав меня и спереди и сзади, он буркнул своей ассистентке – моей ровеснице:

– Запишите: на уровне второго ребра прослеживаются очаги Гона...

Что это значило, я не понимал, но навсегда запомнил. И только много лет спустя узнал, что в далёком детстве подхватил где – то туберкулёзную палочку, плачем жаловался матери на свою болезнь, был не понят, и выжил самостоятельно.

Впрочем, я и сейчас не уверен в диагнозе молодого терапевта, и очень надеюсь, что вскрытие разрешит наш полувековой спор. Подозреваю, что с русским языком у него были нелады, и вместо слова «гона» надо было написать «гонора», потому что этого добра у меня хватает. Хорошо, что этот вирус общенароден, к нему привыкли, как к необходимости умываться.

После медицинского обследования на предмет годности к лётной работе в реактивной авиации ряды наши существенно поредели. Из команды домой отправились семеро. Их было искренне жаль, и я, прощаясь, не боялся заглянуть им в глаза, как будто в чём-то чувствовал себя виновным.

Наступила пора вступительных экзаменов. За сочинение по русскому и литературе и за физику я не боялся. Слава Богу, Константин Михайлович научил меня многому. Да и Семёнов – преподаватель физики – поднатаскал по своему предмету, будь здоров. У него была своя метода общения с учениками. В течение четверти он нещадно раздавал двойки и тройки, и чтобы заработать у него четвёрку, следовало крепко попотеть. В прошлом минёр, он вернулся с войны без правого глаза и правой кисти. Поэтому одна рука у него всегда находилась в кармане. Половина лица Семёнова была густо припорошена синими веснушками – следами от порохового заряда, а стеклянный глаз умел бесстрастно высматривать самого изощрённого шпательщика. Однако его уродливости никто не замечал, покорённый властной, но не навязчивой,

общительностью. Правда, его побаивались, но уважали и любили, поскольку не раз убеждались, что человек он добрый и отзывчивый. За неделю до окончания четверти физик, как правило, объявлял, что готов после уроков побеседовать с каждым, кто претендует на достойную для себя оценку. Обычно собиралось человек двадцать – как раз половина класса. Рассаживались за парты по одному, входил, широко улыбаясь, Семёнчев, и весело сверкая здоровым глазом, говорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.